

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АРТЕМ БУК

НАМЕСТНИК

Annotation

Капитан Рогожин очень занят тем, что ловит убийц в Москве 2056 года. Его не слишком интересует политика и даже звездолет, уже два года кружащий над планетой, не интересует. Последнее вполне объяснимо: поскольку пришельцы не вступают в контакт с землянами, постепенно большинство людей перестают обращать внимание на гигантский диск. Но капитан лишь чиновник, и, когда ему приказывают участвовать в странной спасательной операции, он вынужден подчиниться. Проблема в том, что его новые «коллеги» вовсе не люди. Став сначала пленником, а затем слугой пришельцев, бывший следователь вынужден забыть о морали. «Не убий» теперь не относится к нему самому, ведь благодаря новым способностям он именно убийца. Найдет ли он в себе силы восстать против могущественных хозяев? Ставки высоки – проигрыш означает уничтожение человечества...

Артем Бук

Наместник

© Артем Бук, 2017

© Художественное оформление, «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

* * *

– ...и тогда, – голос Вербовщика понизился до заговорщицкого шепота, – и тогда вы сможете получать по золотому червонцу в день. Хоть придется вам стрелять, хоть нет.

Я с тоской оглядел забитое под завязку помещение. Когда-то это было приемное отделение больницы, лет десять назад отданной под полицейский участок. Сейчас здесь толпились полсотни патрульных – часть ночной смены, часть дневной. Те, что поумней, успели смыться домой, пока их не отловил Полковник и не приказал явиться на этот цирк. Меня вот заставил, хотя формально я ему не подчинялся. Присутствие дежурного следователя придавало мероприятию некую легитимность.

Не то чтобы оно было незаконным, если забыть о том, что Полковник состоял в доле с Вербовщиком. У последнего в карманах нарядного пиджака покоилась красиво оформленная пластиковая лицензия Федерального агентства содействия занятости. Набор наемников для зарубежных операций узаконили еще двадцать лет назад. И уже лет пять как пошли дальше, разрешив посредникам работать с силовиками.

Имени Вербовщика я не помнил, хотя он каждый раз представлялся, перед тем как начать выступление. Конечно, не всегда в мое дежурство. Иногда я успевал ускользнуть на какое-нибудь убийство, а иногда специально опаздывал, чтобы пропустить пересменку. Не сказать, чтобы все присутствующие разделяли мое скептическое настроение. Несколько новичков слушали агента затаив дыхание. Молодые ребята, только после армии. Уже успевшие понять, насколько безрадостна служба полицейского в Южной Москве в две тысячи пятьдесят шестом году, несмотря на бесплатное жилье и усиленный паек.

Сегодня им предлагали сказочное приключение в далекой Нигерии, где храбрые работники «Севнефти» заключили выгоднейший для всего российского народа контракт с местными. К сожалению, правительства в африканской стране менялись практически ежегодно, и нынешние власти страдали от нападок злых повстанцев, поддерживаемых неким американским консорциумом. Бригада отважных добровольцев за полгода должна стабилизировать ситуацию и защитить нефтяные месторождения.

Червонец в день – весьма щедрая оплата. Обычно предлагалось раза в два меньше. Наверное, дело совсем плохо. О чем Вербовщик забывал упомянуть, так это о том, что из каждых десяти червонцев один причитается ему и его другу Полковнику. Два заберет государство в качестве спецналога, и еще один придется отдать за страховку. Ну, чтобы семья наемника не умерла с голоду, если тот вернется в гробу или в инвалидном кресле. Впрочем, даже немного золота все равно лучше, чем виртуальные рубли на счетах, на которые мало что можно купить.

Я посмотрел на часы. Торговец живым товаром на сей раз украл у меня лишь пятнадцать минут жизни. Бывало и хуже. Сейчас он раздавал визитки новичкам, предлагая встречу в своем офисе. Ветераны обходили гостя стороной. Я работал не так давно, но знал пятерых, не вернувшихся с миссий. Те, кто пережил шестимесячный «отпуск», предоставленный Полковником, избегали говорить об этом. Наемники работали по принципу выжженной земли – занятие малопочетное что для солдата, что для полицейского.

Вздыхнув, я побрел принимать дела. Ночью произошло восемь убийств, но следователь Саидов по своему обыкновению кое-как оформил лишь половину. Хорошо, что утром обычно затишье. Вторая волна пойдет к обеду, когда проснутся и выползут из своих нор в поисках

добычи наркоманы. Потом время «полдника», когда педофилы выйдут на охоту на школьников, возвращающихся с занятий. С семи до десяти вечера случится около сотни разбоев, из них штук пять – с убийствами. Тоже мое. Ночью же погань делает обществу одолжение, вырезая и отстреливая друг дружку. Но и эти дела нужно оформлять.

Лифт не работал уже пару недель. Карабкаясь по лестнице на четвертый этаж, я в очередной раз проклял предшественника Полковника, в свое время решившего загнать дежурных Следственной канцелярии подальше от кабинетов руководства участка. Может, и к лучшему. После отмены наличных денег все переводы оказались под колпаком государства, и взятки теперь передавались по старинке – звонкой монетой. В долю я не хотел, так что ситуация «не вижу зла» меня вполне устраивала.

Между вторым и третьим этажом я задержался у автомата с едой. На прошлой неделе «сникеты» стоили девятьсот рублей. Сейчас на табло радостно светились цифры «1000». С округленьцем нас. Пожалуй, пора завязывать с поддельным шоколадом, начиненным эрзац-орехами. Мрачный помятый тип, отражающийся в витрине устройства, кажется, был со мной согласен. В свои тридцать три я выглядел... ну, где-то на тридцать три. Тоже мне, возраст Христа. Хвала генам, плечи пока нет, и живот не свисает, несмотря на пристрастие к нездоровой пище. Впрочем, на здоровую моей зарплаты давно не хватает. Стрижка ежиком, тоскливый взгляд голубых глаз под стать настроению... завидный жених, что сказать. Когда у меня последний раз было свидание? Месяц назад?

Ладно, хватит грустных мыслей. Пропустившие завтрак не выбирают. Кредитка жалобно крикнула, когда я поднес ее к устройству, а в поддон кроме вожаемого батончика выпала и банка кока-колы. Гулять так гулять.

– Александр... э-э-э... Евгеньевич... – Молодой дежурный, догнавший меня на лестнице, почему-то нервничал и обращался по отчеству. Может, капитан юстиции по неопытности казался ему большой шишкой. – Вас, это... шеф к себе приглашает. Срочно, значит.

Да уж, если утро не задалось, так не задалось.

Я не слишком удивился, увидев в кабинете Вербовщика. Полковник нечасто приглашал меня в свои покои посекретничать, так что выбранное им время не могло быть совпадением. Начальник отдела восседал за массивным столом, сияя звездами на погонах сшитого на заказ мундира, плотно облегающего его упитанные телеса. Третьего из присутствующих я не знал. Здоровенный блондин в штатском, стоявший посередине комнаты, лишь мельком взглянул на меня и снова вперила тяжелый взгляд странно безжизненных глаз в Вербовщика. Тот сжался в кресле, ожидая продолжения неприятного разговора, начало которого я пропустил.

– А, господин капитан, заходите, заходите. – Полковник явно обрадовался моему появлению.

У меня не было никакого желания участвовать в его играх, но и деваться было некуда. Видимо, его дружка прихватили на чем-то горячем, и представитель юстиции теперь должен подтвердить, что Вербовщик действовал строго в рамках закона. Что ж, дальновидные мерзавцы – не зря столько лет заставляли следователей таскаться на собрания. Ладно, будет мне должен. Может, даже похлопочет о моем переводе в менее поганый округ.

– Здравствуйте, Александр... – Вербовщик запнулся, запоматовав мое отчество, но, не слишком смутившись, продолжил: – Мы так рады, что у вас нашлось время зайти. Мы тут...

– ...пытаемся разрешить весьма деликатную ситуацию, – недовольно прервал его

Полковник, давая понять, кто в комнате главный. – Это майор Василевский из Федеральной службы порядка. Из центрального аппарата. Мы уже немного побеседовали тут и решили, что требуется ваше участие. Дмитрий Валентинович, вы введете в курс дела капитана Рогожина?

– Сами введите. – Очевидно, недружелюбие гостя из главка не ограничивалось тяжелым взглядом, которым тот сверлил Вербовщика. Майор не ответил на мое не слишком радужное «здрасьте» и почему-то упорно игнорировал несколько свободных стульев, стоявших у стены кабинета.

Я не стал следовать его примеру и с удовольствием плюхнулся на ближайший, оказавшись за спиной Василевского.

– Саша, вы помните лейтенанта Алычкова и сержанта Донского? – издали зашел Полковник, перейдя на менее формальный тон.

– Ну-у-у... – протянул я. Мой круг общения состоял в основном из местных сыщиков да ребят из дежурки. Конечно, с патрульными я тоже пересекался, но по именам не знал и десятка.

– Главное, они вас знают, – быстро сориентировался полицейский. – Пять месяцев назад я предоставил им отпуск по личным обстоятельствам. Они решили воспользоваться предложением Сергея и провести его в качестве вольнонаемной охраны. В Венесуэле. Вы наверняка знаете, что там идет небольшой спор из-за нефтяных месторождений.

Теперь я разжился именем Вербовщика и еще кучей бесполезной информации. Двое подчиненных Полковника что-то натворили в далекой Венесуэле. Даже интересно, что именно, чтобы сюда приперся майор ФСП. Вряд ли просто померли – это дело банальное. И почему присутствующим важно, что эти горе-вояки знают меня?

– Все было строго законно, – робко подал голос Вербовщик. – Все документы оформлены правильно. Они прибыли на место и приступили к работе...

– Заткнитесь.

Василевский говорил негромко, но Вербовщик, сам под метр девяносто ростом, снова съежился в кресле, удивительным образом умудряясь выглядеть мелким и незначительным. Поразительный контраст с человеком, который лишь четверть часа назад виртуозно обрабатывал аудиторию с трибуны, и в тот момент многим казался чуть ли не мессией, ниспосланным небесами, чтобы изменить их жизни.

Что-то в фээспэшнике меня беспокоило. Не внешность, хотя собранные сзади в хвост длинные светлые волосы наверняка многих раздражали в его консервативной конторе. Не элитный итальянский костюм и не странные, но по виду жутко дорогие часы на руке. В конце концов, решала такого уровня должен отменно зарабатывать. И даже не хамство, хотя среди его коллег вкрадчиво-угрожающий тон популярнее грубых наездов.

Что-то неестественно в его поведении. Почему он стоит посередине комнаты, когда остальные трое сидят? Почему спиной ко мне? Демонстрирует свое пренебрежение? Так они позвали меня, чтобы просить об одолжении. Следственная канцелярия не подчиняется ни полиции, ни ФСП. Ну, во всяком случае, технически. Ладно я, так он даже не смотрит на Полковника, когда тот говорит. Гипнотизирует взглядом Вербовщика, но зачем? Тот и без того ни жив ни мертв. Его уговаривать ни на что не нужно: попав в немилость федералов, посредник лишится всего, начиная с лицензии.

– В общем, – прервал мои размышления голос Полковника, – все было нормально. Ребята работали, получали жалованье. Семьям писали. А пару месяцев назад пропали на

задании. Мы с Сергеем это дело особо не афишировали. Бывает, народ в самоволку уходит. Ну или в плен попадает, да. Тогда требуют обмен или выкуп. Страховка есть на этот случай. И вот, значит, нашлись две недели назад. В Аргентине. Взятые в плен, когда местные разгромили чилийцев в Патагонии. Такие дела.

Да уж, беспокойство собравшихся теперь стало мне понятно. Давить повстанцев в Венесуэле – это одно. Но подчиненные Полковника решили схалтурить и поучаствовать в войне, запретной для российских наемников. За чилийцами стоял контролирующий половину Латинской Америки клан Гутьерес, а правительство Аргентины поддерживали Североамериканские штаты. Москва занимала нейтральную позицию. Старая сделка – мы не лезем в Западное полушарие, кроме пары традиционных клиентов вроде Венесуэлы, а янко-канадцы – в Среднюю Азию. Попахивало скандалом. Верхи потребуют крови всех замешанных. Хорошо, что это не моя проблема.

– Крайне прискорбно, – лениво заметил я. – Только меня не было в тот день, когда набирали в Венесуэлу. Не мое дежурство, знаете ли. Ничего об этом не знаю. И показаний дать не смогу...

– Дело не в этом, – нетерпеливо перебил меня Полковник. – Не надо никаких показаний. Пресса пока не пронюхала. Аргентинцы предложили заплатить выкуп, наши согласились. Майор должен совершить обмен. Но есть некоторые осложнения...

– Они отказываются ехать. – Василевский наконец соизволил принять участие в беседе. – И не только эти двое. Всего захватили пять человек. Еще один из Нацгвардии и двое из нашего спецназа. Вы понимаете, что это значит?

Конечно, я понимал и это. Будет не просто скандал, а локальный политический апокалипсис. Спецназовцы ФСП наемниками служить не могли. Если они оказывались за рубежом, то лишь по воле партии и правительства. Кто-то наверху решил поддержать Гутьересов, что вполне могло поставить под угрозу статус-кво у наших собственных границ. Я затравленно посмотрел на дверь. И вот зачем я ее открыл десять минут назад?

Пятеро бойцов отказывались ехать, поскольку подозревали, что живыми домой им не добраться. Мудро с их стороны. Я тоже считал себя если не мудрым, то предусмотрительным. Это значило, что мне нужно держаться от подобных историй как можно дальше. Только вот поздно – белобрысая сволочь в центре комнаты уже сделала из меня опасного свидетеля. Теперь он пялился на меня, как лягушка на комара. Видно, уже прикидывает, каким способом станет от меня избавляться, когда придет время. Наверняка любит баловаться с ножичками или душить народ голыми руками.

– Они думают, что их убьют, – продолжил майор, не дождавшись ответа на свой риторический вопрос. – Двое из них знают вас. У вас есть определенная репутация среди личного состава. Вы поможете мне убедить их, они убедят оставшуюся троицу. Насколько нам известно, их содержат вместе.

– А потом? – Фээспэшник играл в откровенность, и я решил отплатить ему тем же. – Их мирно отпустят по домам? И меня тоже? Не десантируют из подводной лодки на глубине в двести метров? Не сбросят с самолета без парашюта над Атлантикой?

– Нет. – Я думал, что он разовьет свою мысль, но Василевский просто замолчал. Мощный ход. Не иначе что-то из психологического арсенала ФСП. «Нет» – и точка.

– Мы все здесь взрослые люди, – поспешил вмешаться Полковник, на которого «нет» гостя тоже вряд ли произвело впечатление. – Все понимаем, как работает политика на таком уровне. Майор убедил нас, что таких указаний не имеет. Проблемы возможны, пока ребята в

плену. Как только они приземлятся в Москве, вопрос будет исчерпан – и для них, и для нас. Даже если кто-то станет болтать по пьяни – никто и внимания не обратит. Некоторых бывалых послушать, так они чуть ли не Вашингтон брали и на Эйфелеву башню высаживались. А главное – американцы уже в курсе. И им огласка тоже сейчас не нужна. Но некоторые в аргентинском правительстве не прочь раздуть историю. Это может случиться, если кто-то из пятерых запросит убежище. Нужно действовать быстро.

– Вылет завтра утром. – Василевский вновь злобно уставился на Вербовщика, будто считал того единолично виновным в происходящем. – С вашим начальством договорятся. От дежурства вы освобождаетесь. Езжайте домой, собирайтесь. Много вещей не берите, оружие оставьте. Я пришлю машину к семи часам.

Мой «ягуар» медленно полз в пробке, пробираясь к центру города. Купленная восемь лет назад машина давно стала мне не по карману. Как и квартира в «исторической» зоне города, огражденной от периферийных гетто Третьим транспортным кольцом. Но я сохранил и то и другое, хотя содержание жилья и авто пожирало процентов восемьдесят зарплаты. Многие считали меня снобом. Может, они были правы. Или мне просто не хотелось рисковать каждый день жизнью, возвращаясь домой на метро или выходя вечером за водой в одном из городских гетто.

Пожалуй, самое время подумать о завещании. Автомобиль пусть достанется Ане. Скоро три года как мы расстались, но она еще не замужем. Вряд ли из-за меня. Просто стала разборчивее. Я ее не винил – жить со следователем не то же самое, что с юристом «Росгаза», получающим жалованье в червонцах. Хорошо, что удалось найти хоть такую работу. Воспоминания натолкнули меня на бредовую идею. Я покрутил ее в голове и так и эдак. Менее бредовой она не стала, но что терять человеку на полпути к кладбищу?

– Добрый день, слушаю вас. – Голос девушки в динамике звучал приятно, но представиться она не сочла нужным.

– Это Рогожин из Следственной канцелярии. – Надеюсь, мой голос звучал достаточно важно. – Мне бы поговорить с Константином Сергеевичем.

– У Константина Сергеевича сейчас совещание. – Вряд ли мне удалось обмануть опытную помощницу, но даже если она и занесла меня в категорию «незначимый надоедала», то никак не дала этого понять. – Ему что-нибудь передать?

– Да... Передайте, что я хотел бы с ним пообедать сегодня и обсудить одно срочное дело. В любом месте, где ему удобно. Рогожин. Следственная канцелярия.

– Хорошо. Я обязательно передам вам его ответ.

Надо же, какая любезность.

– Спасибо большое, – искренне сказал я, но девушка на другом конце линии уже отключилась.

Я подумал о том, как она выглядит. Наверное, отлично. Голубоглазая блондинка с фигурой модели. Нет, лучше брюнетка. В любом случае ее босс может позволить себе лучшее.

Машина резко затормозила, прервав мои эротические мечты. Я тихо обругал автопилот и выглянул в окно. Неспешно двигавшийся до того поток теперь совершенно замер.

– Показать дорогу впереди. – Я так и не понял, почему отдал эту команду. Никогда раньше этого не делал, хотя не раз оказывался запертым в стоячих пробках на часы. Какой смысл интересоваться тем, на что не можешь повлиять?

Как сотрудник Следственной канцелярии, я имел немедленный доступ ко всем камерам, полностью покрывающим дороги мегаполиса. Незаменимая вещь при расследованиях, но я еще не пользовался этой функцией из «ягуара». Лобовое стекло затемнилось, чтобы вывести запрошенную информацию, но изображение состояло лишь из прерывистых всполохов. Похоже, установленная пару лет назад программа нуждалась в отладке. Или надо обновить пароли специально для машины.

– Показать через спутник. – Я не слишком рассчитывал на успешное выполнение запроса. Если уж доступа к камерам нет, логично предположить, что и со спутника картинки не будет.

Тем не менее уже через секунду на лобовом вспыхнуло изображение дороги. Слишком мелко, чтобы разглядеть детали, но пробка начиналась совсем недалеко от того места, где застрял я.

– Показать крупно на километр вперед.

Техника не подвела, и изображение со спутника медленно увеличилось. Огромный грузовик, развернувшись перпендикулярно потоку, перегородил одиннадцать полос из двенадцати. Как это его угораздило? Следов аварии не видно. Может быть, она скрыта под пешеходным мостом, в паре десятков метров от которого замер автопоезд? Сам мост перекрыт с обеих сторон треугольными знаками дорожной службы, на нем копошатся трое в светоотражающих жилетах. Что они делают? Троица явно решала какую-то техническую проблему с двухметровым отрезком трубы, пытаясь приладить что-то с одного из концов. Наконец им это удалось, и один из рабочих поднялся в полный рост, взгромоздив устройство себе на плечо.

– Вверх, вверх на максимум! – фальцетом завизжал ставший незнакомым голос в кабине.

Нет, компьютер не станет выполнять незаконный с точки зрения ПДД приказ. Трясущийся палец лишь со второй попытки попал в кнопку отключения автопилота, пока вторая рука судорожно срывала пломбу с рычага вертикального взлета. На себя, до упора. «Ягуар» недовольно фыркнул, но подчинился команде, не спеша оторвавшись от земли. Я был в полусотне метров над поверхностью, когда пущенная с моста ракета превратила дорогу подо мной в огненный ад.

Наплевав на запрет полетов в городской черте, я пролетел еще несколько километров, приземлившись возле КПШ на границе с «исторической» зоной, в просторечии именуемой «зеленкой». То ли из-за обилия деревьев и относительно чистого воздуха в центре, то ли из-за недоступности для посторонних на манер «зеленых» зон, которые американцы любят устраивать в оккупированных городах.

Сержант на въезде важным жестом попытался загнать меня в отстойник для нарушителей, наверняка предвкушая жирную взятку от решившегося полетать мажора. Удостоверение Следственной канцелярии вкупе с надменным заявлением о том, что я спешу на важную встречу, его обескуражили. Он, конечно, мог пойти на принцип и поставить авто на прикол. Но следователь на «ягуаре» и с местом проживания в центре города, возможно, имел связи, способные доставить серьезные неприятности обычному патрульному.

Его сомнения разрешил сигнал террористической тревоги, взывший на КПШ. Информация о взрыве пошла по цепочке. Вновь надувшись от осознания собственной значимости, сержант повелительно махнул мне рукой, предлагая следовать дальше, и побежал ориентировать рядовой состав на ловлю неизвестных преступников.

Едва я успел отъехать от КПШ, как вздрогнул от звонка коммуникатора. Черт, надо заменить мелодию на что-то более спокойное, с такими-то нервишками.

– Капитан Рогожин? – Я не называл своего звания при нашей последней беседе, но хорошая помощница большого человека, разумеется, знает все. – Константин Сергеевич готов встретиться с вами через полчаса в ресторане «Столыпин». Столик заказан на ваше имя.

– Как вас зовут? – неожиданно для самого себя выпалил я.

– Олеся. – Она негромко рассмеялась. – Хорошо вам пообедать, капитан.

Меня все еще трясло, когда я входил в ресторан. Неправдоподобно элегантная хостес проводила меня к столику, откуда мне пришлось сразу ретироваться в туалет, не успев заказать даже напитки. Нет, я не обмочился, не обделался, и меня не рвало на манер героев плохих фильмов. Но дрожь в руках и пунцовый цвет лица не исчезли и после трехкратного умывания ледяной водой. Говорят, большинство от страха бледнеет. Ну я вот краснел.

Когда я вернулся к столику, *он* уже восседал в кресле, углубившись в меню. По углам пустующего ресторана, неудачно притворяясь предметами обстановки, расположились здоровенные жлобы из охраны. Мы не встречались лет пять, но он почти не изменился – все та же дородная фигура в дорогушем костюме, седые волосы, косматые брови над старомодными очками, за которыми прячутся умные и насмешливо-циничные глаза. Для своих шестидесяти пяти он выглядел совсем неплохо.

– Здравия желаю, товарищ генерал, – пробормотал я.

– Ну и ты здравствуй, Саша. – Константин Сергеевич со вздохом отложил меню и задумчиво уставился на меня. – Видок у тебя что-то не очень. Не каждый день, видать, в тебя ракетами пуляют.

С момента нападения прошло менее часа, но генерал ФСП явно располагал источниками получше, чем полиция. А может, и та уже разыскивала таинственно упорхнувший с места взрыва «ягуар». Машину я бросил на парковке торгового центра далеко от места встречи. Отследить меня до ресторана займет какое-то время. Да и здесь я под защитой своего собеседника. Чем Константин Сергеевич Стоцкий занимался в ФСП, я точно

не знал. Его фамилия не значилась среди заместителей директора или руководителей департаментов ведомства, красующихся на официальном сайте. Как я подозревал, он курировал специальные проекты. Те самые, о которых никому знать не положено. А следовательно, он тот, кто мне нужен.

– Занятно, что спалить тебя пытались через несколько минут после звонка мне. – Генерал не дождался моего ответа и сразу перешел к делу: – Надеюсь, ты не думаешь, что это мы? Даже я не смог бы проверить все так быстро. И вообще, было бы проще тебе чего-нибудь в бокал плеснуть, пока ты в туалете торчишь.

Я с ужасом посмотрел на стакан воды, заботливо налитый кем-то, пока я освежался в уборной. Веселые пузырьки, стремящиеся к поверхности, вовсе не напоминали кислоту. Да и не стал бы чиновник такого ранга пачкать руки. Наверное.

– Мне без газа, пожалуйста. – Я подозвал замершего в дальнем конце зала официанта.

Старик противно захихикал. Ну и черт с ним.

– Думаю, вы уже знаете, почему я звонил вам.

Идя в ресторан, я долго думал над светским началом встречи, мучительно пытаюсь вспомнить имя и отчество супруги генерала. Его единственную дочь Веронику я помнил прекрасно. Мы даже встречались какое-то время, когда нам было по шестнадцать. Одноклассники, чьи родители дружат семьями. Но собеседник первым перешел к делу, избавив меня от бремени разговоров о семье.

– Без понятия, – весело отозвался Стоцкий. – Но теперь, когда тебя пытались порешить ракетой на федеральной трассе, мне очень интересно. Кстати, погибло двенадцать человек. Первый крупный теракт в городе за полгода.

Наверняка лжет. С чего бы он так быстро согласился встретиться, не будь в курсе? Но он оставался моей единственной надеждой выпутаться из этой истории, и я рассказал об утренней встрече.

Генералу уже успели принести закуску – паштет из печени какой-то диковинной утки, за не менее диковинные деньги. Он не спеша намазывал его на свежесдобитый хлеб, рублей по пятьсот за кусочек, и так же задумчиво поглощал.

– Бред, – наконец вынес свой вердикт гуру нацбезопасности. – Нет у нас никакого майора Василевского. И вообще никого, кто соответствовал бы твоему описанию. Во всяком случае, среди людей, которым могли бы поручить подобное задание.

– Я проверил его удостоверение в полицейском сканере, – сообщил я. – Подлинность подтверждена, допуск «Ф1». Всем надлежит оказывать полное содействие и так далее.

– Ты вообще в курсе, чем я занимаюсь? – поинтересовался генерал. – Может, думаешь, что я любимый партнер директора по гольфу? Нет, Саша. Я как раз тот самый человек в нашей стране, который разгребает всякую хрень, что не показывают по телевизору. Не один я, само собой. Есть еще парочка, каждый со своим огородом. Я по внутренним делам. Есть человек по внешним, есть человек по экономике. Но если бы кто послал спецназ ФСБ в хренову Аргентину, я б уж знал, поверь на слово. Тем паче если бы там взяли пятерых пленных и требовали выкуп. А оперативник – два метра, с длинными волосами? Да кто б такого до деликатной работы допустил? Ты любого из моих ребят внятно описать не сможешь, хоть ты трижды следователь. Все среднего росточка и сложения. Если у кого и были какие особенности, хирурги давно с ними разобрались.

– Отлично, – пробормотал я. – Значит, этот тип не из ваших, и вся история – липа. Мне-то теперь что делать?

– Ну почему обязательно сразу липа... – Старик отправил в рот последний кусок хлеба с паштетом и знаком велел официанту нести следующее блюдо. – Пленные наверняка есть. Зачем-то же ты им понадобился? Видно, двое и правда ваши менты. А вот кто остальные – вопрос интересный. Имя Махмуд Валеев тебе знакомо?

Я неохотно кивнул. Господин Валеев не являлся самой яркой звездой олигархического небосвода страны. Тем не менее сколько-то миллиардов у него имелось.

– У него два сына. – Официант притащил огромный стейк на дощечке, и генерал прервался, чтобы разрезать его посередине, после чего, удовлетворенно хмыкнув, продолжил: – Старший, Асланбек, несколько месяцев назад исчез. Слухи ходили разные. По моим данным, юноша отправился на священную войну с американскими собаками. И пропал. Папаша, само собой, нанял людей, чтобы отыскать свое чадо, но в органы не обращался.

– Думаете, меня подрядили его выкупать? – с сомнением спросил я. – Ему-то бояться нечего – покажут видео с приветом от папы, сам в самолет запрыгнет.

– Тебя подрядили для того, о чем и говорили на встрече, – убедить вернуться двух ментов. Нашим или людям Валеева они не поверят, если не совсем дураки. Видно, их и правда держат всех вместе. А значит, твои менты могут разболтать, что младший Валеев незаконно наемничал в Латинской Америке. У его папаши врагов немало, раздуют скандал. Сын сядет, и надолго. К тому же Махмуд ведет дела с американцами и саудитами в Заливе. Нехорошо получится, если узнают, что сынок воевал против них.

– По вашей логике, четверых пленных выкупают лишь с одной целью.

– Совершенно верно. Это ненужные свидетели. И посторонние, связанные с ними, – тоже. Никого из вас живым домой не довезут.

– Ты что-то все о главном не спросишь. – Генерал теперь медленно расчленил стейк на множество аккуратных квадратиков. Похоже, этот процесс доставлял ему не меньше удовольствия, чем сама еда.

– Это о чем? – Оказывается, меня хотели не просто втравить в неприятную историю, но и умертвить.

– Кто пытался подпалить тебя на трассе. – Старик с укором взглянул на меня из-под спустившихся на кончик носа очков. – Только не говори, что тебя это не волнует.

– Очевидно, некто не желающий, чтобы я сел в самолет до Аргентины, – рассудил я. – Непонятно только, зачем такие сложности. Могли бы рассказать мне то же, что и вы. Я к этому самолету теперь на пушечный выстрел не подойду. Если подумать, то я очень плохо себя чувствую. Грипп, не иначе. Слягу на недельку прямо с завтрашнего дня.

– Нет, так не пойдет. – Стоцкий отправил в рот один из мясных квадратиков. – Ты ведь уже согласился, тебя ждут на деле государственной важности.

– Какой важности? – ошалело поинтересовался я. – Это же кодла самозванцев на службе у олигарха. Которая ликвидирует меня, как только перестану быть им нужен. А другие прикончат только за то, что я согласился участвовать в мероприятии.

– Разве возвращение пятерых граждан России на Родину – не дело государственной важности? – с упреком заметил генерал. – Вы, Александр Евгеньевич, между прочим, государственный служащий. Обязаны блюсти интересы нашей страны; не? А побочные эффекты, уверен, можно предотвратить.

– Я не рыцарь плаща и кинжала, – огрызнулся я. – В мои служебные обязанности

подобные задания не входят. Как, интересно, вы помешаете им избавиться от меня и от других?

– Очень просто, – ухмыльнулся старик. – Позвоню сейчас Валееву и сообщу, что ФСП все знает о его маленькой операции. И мы не против, при одном условии – все должны вернуться живыми-здоровыми. Он не посмеет ослушаться. И, в конце концов, это именно то, что хотел твой Василевский.

– Чего-чего он хотел? – Собеседнику таки удалось совершенно меня запутать.

– Эх, Саша, – вздохнул Стоцкий. – Хорошо, что ты не пошел по нашей линии, с такой-то сообразительностью. Ты что, правда думаешь, что тебя позвали, чтобы кого-то там уговаривать? Тебя позвали, потому что этот Василевский не хотел пачкаться мокрыми делами. Но он должен выполнить задание. Что он делает? Зовет следователя, по биографии и репутации которого понятно, что тот сразу побежит в ФСП. Контора надавит на Валеева, и убивать никого не придется.

– И откуда же он мог знать, что вы просто не арестуете его за присвоение полномочий?

– Судя по всему, он хорошо представляет себе, как функционирует контора. Нам тоже не нужны пленные русские в Аргентине. Если кто-то хочет решить эту проблему за нас – мы только «за».

– Ну если мне не нужно никого уговаривать, то я свою функцию выполнил, – с облегчением констатировал я. – Василевскому я теперь не нужен. Значит, мне можно не лететь.

– Нельзя. – Генерал нанизал на вилку пару кусков мяса и некоторое время задумчиво их рассматривал. – Теперь ты полетишь, чтобы проследить, что все прошло как положено. Без твоего присутствия они могут все же порешить четверых пленных. Скажут, что это аргентинцы.

– А если я откажусь? – Я понимал, что мне не понравится ответ, но как же не хотелось ввязываться в этот шпионский триллер...

– Тогда я задержу тебя по подозрению в соучастии в утреннем теракте. Ты ведь так удобно упорхнул прямо перед выстрелом... Расскажешь о том, почему это произошло, тройке по террористическим делам. Когда они до тебя доберутся. После годика в «Лефортово».

Звонок был оглушителен. Он заполнял всю квартиру, доставляя невыносимые муки с трудом пробуждающемуся организму. Не ласковая мелодия домофона, не тихий шелест коммуникатора. Кто-то остервенело жал на кнопку у входной двери. Ну кто, скажите на милость, в наше время пользуется дверным звонком?

Я со стоном выполз из-под одеяла. Часы на тумбочке показывали «5:45». Это не может быть посланец Василевского – выезд назначен на семь утра. У меня еще добрый час законного сна. Звонок не унимался. Добредя до прихожей, я активировал панель наблюдения. На экране возник невысокий тщедушный мужчина лет сорока, с тщательно расчесанными черными волосами, одетый в строгий деловой костюм. В отливающих голубым солнцезащитных очках.

Я бы прыснул, но этот персонаж явно был каким-то образом связан с предстоящей мне самоубийственной миссией. Посему я лишь ткнул в кнопку на панели и раздраженно поинтересовался:

– Чего?

– Меня послалял майор Василевский, – бодро отрапортовал пришелец, ничуть не смутившись моего недружелюбного тона. – Время ехать.

– До времени еще больше часа, – недовольно буркнул я. – Если у вас с майором бессонница, то у меня нет.

– Пляны изменились. – Субъект лучезарно улыбнулся. – Надо ехать сейчас. В городе введен антитеррористический режим.

По-русски он говорил правильно, но с каким-то едва уловимым акцентом, напоминающим прибалтийский. В словах гостя имелся некий смысл. Особенно если знать, что Василевский такой же фээспэшник, как я – саудовский принц. Хотя если мой сопровождающий умудрился просочиться мимо бдительного консьержа, значит, у него тоже имелась какая-то убедительная корочка, пусть и липовая.

– Спустишь через двадцать минут. – Я сразу отключил звук домофона. Незванный гость пару секунд потоптался на пороге и направился к лифтам. Если он рассчитывал на приглашение в квартиру, то зря.

Наверное, я сжег целое состояние под десятиминутным душем. Ну и черт с ним. Может, это моя последняя водная процедура, если не считать перспективы искупаться в Атлантике. Подхватив загодя приготовленный рюкзак с самым необходимым, я спустился вниз.

– Александр Евгеньевич, я не мог его не пустить... – виновато прошептал Иваныч, карауливший вход в подъезд. – У него документы – о-го-го.

– Все в порядке, – успокоил я старика. – Мы с ним коллеги.

Автомат с едой в холле был куда лучше собрата в полицейском участке. И дороже. Но меня опять лишили возможности позавтракать горячим, и желудок недовольно урчал, требуя подношений. «Сникетов» не было, пришлось обойтись менее любимыми «Баунти Твикс». Подумав, я заказал пять штук. Василевский намекнул при расставании, что мое содействие операции будет щедро вознаграждено, причем золотом. Если так, в экономии нет нужды. Если нет – в ближайшем будущем баланс кредитки станет наименьшей из моих проблем.

– ...перемещается от Парижа в неизвестном направлении. Впервые за два месяца жители французской столицы увидят солнце... – Консьерж случайно врубил звук, и теперь

видеоряд на огромной панели в холле сопровождался пояснениями комментаторов утренних новостей.

– Я сейчас, сейчас, – засуетился Иваныч, пытаясь найти нужную кнопку на пульте.

Управляющий запрещал использовать панель для просмотра телевидения, но старик был подслеповат и любил побаловать себя большой картинкой, когда жильцы спали. В подъезде редко кто выползал на работу раньше восьми утра. Да и вообще мало кто утруждал себя этой самой работой.

– Оставь и не переживай. – Поняв, о чем говорят в выпуске, я замешкался в дверях. Это могло повлиять на мою сегодняшнюю поездку.

– Улетели от французов. – Увидев мою заинтересованность, Иваныч поспешил поделиться новостями, просмотренными за ночь. – Куда-то на юг двинули, через Средиземное море. Эксперты говорят, что на Каир. А я вот думаю, что на Тегеран.

Я знал, что старик и сам эксперт почище многих. Да и не было их, настоящих экспертов. Не в этом вопросе. Загнивающей цивилизации образца две тысячи пятьдесят четвертого года только пришельцев не хватало. Впрочем, какое-то время после того как гигантский диск выплыл из черной тучи над Нью-Йорком, многие тешили себя надеждой на то, что к нам прибыли спасители. Случайно вызвавшие Великую панику, чуть окончательно не dokonавшую мировую экономику.

Кто они? Захватчики? Исследователи? Наблюдатели? Два года обсуждений и гипотез от армии материализовавшихся на телевидении «специалистов». Паника утихла, когда корабль, повисев пару недель над обезлюдевшим Нью-Йорком, переместился к Пекину. Китайцы тоже эвакуировали столицу, но и там не произошло ровным счетом ничего интересного. Никаких атомных торпед, лучей смерти, боевых треног и зеленых человечков. Пришельцы ничего не сбрасывали на поверхность. Их корабль не оставлял радиоактивных следов и вообще не излучал ничего опасного. Еще они не отвечали на попытки контакта. Ни на одну.

Крупные города продолжали эвакуировать по мере того, как диск менял свою дислокацию. Сидней, Мумбаи, Бангкок, Владивосток, Ташкент, Берлин, Кейптаун. Первыми отказались покидать свои дома жители Рио-де-Жанейро. Звездолет и сопровождающая его черная туча висели над городом три недели, погрузив его улицы во мрак. Но никто из жителей не заболел неизвестными болезнями и не умер по непонятным причинам. Никто не исчез в недрах корабля, чтобы вернуться и рассказать о проводившихся над ним большеглазыми гуманоидами опытах. Как и в предыдущих случаях, пришельцы просто ушли, проигнорировав трансляции на всех возможных частотах и масштабное звуковое и визуальное шоу, которое для них в каждом городе устраивала спешно созванная комиссия ООН.

Последний год эвакуации уже не проводились. Местные жители бурчали по поводу круглосуточной ночи и подсчитывали барыши от сотен тысяч туристов и паломников, послушно следующих за кораблем в надежде стать свидетелями чуда контакта. Власти теперь лишь констатировали перемещение объекта из точки «А» в точку «Б». А комиссия ООН после многомесячных совещаний пришла к выводу, что звездолет является автоматическим зондом, занимающимся сбором информации. Иначе с чего бы представители высшей цивилизации стали игнорировать попытки пообщаться? Мысли о том, что им может быть просто не интересно ничего из того, что могут поведать земляне, в официальных коммюнике места не нашлось.

Проблема состояла в том, что многие государства закрывали воздушное пространство на

время маневров «зонда». И как, интересно, господин Василевский собирается пересечь регион Средиземноморья, если над ним сейчас не осмеливается летать даже военная авиация? Может, миссию отложат? Хорошо бы...

Машину мой провожатый запарковал прямо перед входом, аккуратно под знаком «Остановка запрещена». Я почему-то ожидал увидеть лимузин или что-то столь же пафосное. Ничего подобного – меня ждал обычный черный «форд», правда, довольно официального вида. Я плюхнулся на заднее сиденье, бросив рюкзак рядом.

– По назначению, – скомандовал водитель автопилоту, и машина мягко стартовала.

– У вас имя есть? – поинтересовался я.

– Можете звать меня Макс. – Он даже не пытался притвориться, что имя настоящее.

– А в корочке что написано, если нас остановят? – не унимался я.

– Написано: «Капитан Федеральной службы порядка Олег Сергеевич Пушкин», – усмехнулся провожатый. Очки он не снимал даже в машине, несмотря на ранний час и тонированные стекла. – Но нас никто не остановит.

Действительно, несмотря на обилие патрулей на улицах, мы двигались беспрепятственно. Василевский явно мог организовать не только отличные липовые документы, но и авто с «правильными» номерами и опознавательными сигналами. Интересно, в какую сумму подобные услуги обходятся господину Валееву?

Менее чем через час мы проскочили в открытые ворота Внукова, въехав прямо на взлетно-посадочную полосу для частных джетов. Макс принял управление на себя и подрулил к небольшому самолету, на фюзеляже которого красовалась эмблема в виде земного шара с неразборчивой надписью готическим шрифтом.

– Ну вот, – объявил «капитан», – все уже на борту, ждут нас.

Он бодро выскочил наружу и быстро направился к спущенному трапу. Выбора не было, и я последовал за ним.

– Я не хотеть есть вишенка. – Низкий утробный голос Амбала вполне соответствовал его внешности.

– Напрасно, – Макс уже минут десять лениво препирался с попутчиком, – вишенка очень вкусная.

Я так и не понял, издевается ли он над здоровяком или действительно хочет дать тому дельный совет. У Макса, в отличие от прочих пассажиров джета, имелось довольно своеобразное чувство юмора.

Амбала мне представили как капитана Григорьева, что было совершенно нелепо. По-русски этот персонаж не говорил вовсе и общался с окружающими на ломаном английском. Какое-то время я развлекал себя тем, что пытался угадать его национальность, но потом бросил это занятие. Темно-коричневая кожа и короткие черные волосы давали повод задуматься о латиноамериканском или ближневосточном происхождении. Первое звучало вполне логично, с учетом места назначения полета. Только вот мое «Como estas?»^[1], судя по всему, не было понято и осталось без ответа. А может, мне просто попался редкий хам.

Амбалом за глаза его окрестил я, поскольку в отличие от Макса он не пожелал сообщить никакой клички, пригодной для человеческого общения. Его роль в операции тем не менее была очевидна. Ростом он почти не уступал Василевскому, и камуфляж пошел бы ему куда лучше, чем модный пиджак в тонкую полоску. В «комплект наемника» наверняка входил и тяжелый взгляд из-под кустистых бровей, но убедиться в этом я не мог. Как и Макс, субъект

не снимал солнцезащитные очки даже в салоне самолета.

Коктейли всем присутствующим смешивал сам коротышка, причем делал это мастерски. Моделей-бортпроводниц в частном джете почему-то не обнаружилось. Секретность, не иначе. Я не жаловался, заказав и получив отличный мохито. Расположившийся в одиночестве в передней части салона Василевский, насколько я видел, потягивал воду, читая что-то на необычно толстом планшете. Вербовщик также отказался от спиртного, предпочтя ему колу в запечатанной бутылке. Бедняга, похоже, до сих пор был ни жив ни мертв от страха. Я не стал обнадеживать его тем, что нашу безопасность теперь гарантирует великая и могучая ФСБ. Пусть помучается.

Бортпроводницами нас обделили, но что за шпионская миссия без роковой красотки? Представили ее как Ирину, переводчицу. Тестировать испанский новой знакомой я не стал. На переводчицу она была похожа не больше, чем Амбал – на специалиста по связям с общественностью или Макс – на капитана ФСБ. Нет, конечно, переводчица вполне может быть рыжеволосой, белокожей, высокой и стройной. Она также может предпочитать носить брючный костюм и темные очки при искусственном освещении. В конце концов, троика подручных Василевского могла хорошо погулять накануне миссии. Так, что теперь и софиты в стенах режут им глаза. Только вот от Ирины, как и от Амбала, и от их босса «майора», веяло жутью, и темные очки здесь были ни при чем. За пять лет службы я насмотрелся на убийц и хорошо понимал, что сейчас нахожусь в компании людей, для которых моя жизнь значит куда меньше, чем вишенка в коктейле Амбала.

Макс травил байки. Вот он делит ужин с папуасами в джунглях, вот он ручкается с президентом США, вот участвует в переговорах с каким-то арабскими шейхами. Звучали они совершенно неправдоподобно, но меня не покидало ощущение, что, попроси я доказательств, рассказчик тут же охотно продемонстрирует тысячи фотографий и видеозаписей. В отличие от прочих членов команды, он вовсе не выглядел монстром. Для мальчика на побегушках у него многовато чувства собственного достоинства. Правая рука босса? Переводчик? Техподдержка? Без хорошего технаря сейчас никуда.

Иллюминаторы в салоне затемнили, а показатели полета на мониторы салона не выводились. Летели мы уже больше часа, когда я задал мучивший меня с момента взлета вопрос:

– Мы сделаем крюк над Европой? Гости ночью двинулись от Парижа на юг.

– Гости? – Макс не сразу понял, о чем речь. – Ах да, это... Не волнуйтесь. Наш маршрут пройдет гораздо севернее. Гораздо.

– Ну, главное, не опоздать в Аргентину. А то господин Валеев расстроится. – Не то чтобы я не доверял Стоцкому, но попугайкам стоит знать, что они везут не идиота, вслепую подписавшегося на самоубийство.

– Аргентина?

Ирина сняла очки, и я понял, что заставляет ее носить их при любом освещении. Я никогда не видел ничего подобного. На меня смотрели два неправдоподобно зеленых глаза. Контактные линзы, меняющие или усиливающие цвета радужной оболочки, давно перестали быть новостью, но это... Романтик бы использовал эпитеты вроде «бездонные», «загораживающие» или «манящие». Следовательно в моем лице подумал о специальных линзах для прицельной стрельбы и о встроенной функции ночного видения. Объясняет темные очки всей троики. Возможно, они готовят зрение к операции в крошечной тьме. Девять из десяти мужчин пали бы к ногам Ирины, обрати она на них свой взор. На меня же ее сексапил

совершенно не действовал. Почему-то с юности не воспринимал рыжих как объекты, пригодные для романтического знакомства.

– Классные линзы.

Вообще-то я хотел сделать комплимент, но традиционно получилось не очень. Вот что значит длительное отсутствие практики. Интересно, как там поживает генеральская Олеся? Надеюсь, она блондинка. Или брюнетка. Как вернусь, первым делом приглашу ее в лучший ресторан на полученные от Василевского червонцы. Девушка с таким приятным голосом и смехом – то, что нужно после подобной нервотрепки.

Макс издал что-то вроде стоны и едва заметно кивнул Амбалу. Я не видел, чтобы кто-то нажимал какие-либо кнопки, но дверь салона бесшумно отъехала в сторону. Господи, это конец. Мы же в сверхзвуковом джете на расстоянии пятнадцати тысяч метров от поверхности. Нас сейчас разорвет на куски. Руки судорожно шарили вокруг, пытаясь найти ремни безопасности, пока я не сообразил, что к местным креслам они не прилагаются. Но ничего не происходило. Никого не вытягивало из салона, самолет не ушел в пике и не развалился на части. Из открытой двери лишь слегка тянуло холодом, и темнело ночное небо. Мы не летели на запад. Самолет держал курс на восток.

Легко оторвавшись от кресла, Амбал схватил сжавшегося напротив него и явно вконец обезумевшего от страха Вербовщика и одним движением вышвырнул беднягу за борт. Дверь так же бесшумно закрылась.

– Мы не летим в Аргентину, – вздохнул Макс. – Боюсь, Александр Евгеньевич, мы летим совсем в другое место. И по другому делу.

– Кто такой Валеев? – раздраженно поинтересовался Василевский, впервые за полет оторвавшись от планшета.

Похоже, меня одного тяготила тишина в кабине. Я не стал отвечать на вопрос «майора», а он – настаивать на ответе. В конце концов, интернет на борту прекрасно работает. Сам найдет. Макс сделал Амбалу еще один коктейль. С вишенкой. Гигант с удовольствием потягивал его через трубочку. Против вишенки он больше не возражал. Может, любит побаловать себя сладеньким после удачной мокрухи. Интересно, за Вербовщика ему заплатят отдельно или в гонорар за миссию входит неограниченное количество трупов? Ирина вернула очки на место и погрузилась в привычную для себя медитацию. Василевский вернулся к своему планшету, а Макс, покончив с коктейлями, уселся напротив меня. Выражение его лица показалось мне сочувственным. А может, он просто дремал – его глаз я ведь не видел.

Мой статус теперь прояснился. Я не переговорщик и не хитрый засланец могучего ФСБ. Я жертва тщательно продуманного похищения. Пленник. Но на кой черт я им сдался? Группе наемников международного масштаба, рассекающей на частных джетах, вряд ли интересен выкуп в виде двухкомнатной квартиры и старенького «ягуара». Единственная конфиденциальная информация, которой я владею, – это состояние собственного кредитного счета. Почему меня слил Стоцкий, втюхав идиотскую историю о семействе Валеевых? Неужели у «Василевского и Ко» есть средства на подкуп генерала ФСБ? И куда меня везут? На восток... в Китай? Внутри похолодело. Китай... страна тысячи миллиардеров, посаженных на технологии омоложения. Крупнейший в мире рынок по нелегальной торговле органами. Неужели мои бедные сердце или печень подошли какому-нибудь столетнему старцу с карманами глубокими настолько, чтобы выкрасть российского чиновника?

– Так куда мы летим? – Да уж, стоило представить себе наиболее безрадостную картину окончания своего существования, чтобы решиться начать задавать вопросы.

– Это не слишком существенно. – Макс, разумеется, не спал. – Важно не то, куда. Важно, к кому. И зачем.

– Достаточно важно, чтобы выбросить человека за борт? Зачем вообще нужно было тащить с собой беднягу и придумывать байки о выкупе пленных? Ваши друзья вполне могли вырубить меня шокером и протащить в самолет.

– Могли, – согласился Макс. – Но вы должны были согласиться лететь добровольно. Насилие в вашем случае неприемлемо.

– А в случае с Сергеем – приемлемо? – язвительно уточнил я. – Можно узнать, чем я заслужил такую честь?

– Представьте себе огромную шахматную доску, – чуть заметно улыбнулся собеседник. – Фигуры на ней делают сложные ходы. Но они избегают соприкоснуться друг с другом. Тем более применять насилие в отношении других фигур. По крайней мере, так было до недавних пор.

– У нас, наверное, разное представление о том, что такое насилие, – пробормотал я. – По мне, так выкинуть человека из самолета – очень даже насилие.

– Он не был фигурой в этой партии. – Улыбка Макса стала чуть шире. – Просто муха, случайно севшая на доску.

– Вы сами заманили эту муху липовой историей о пленниках. – Спор в общем-то был

бессмыслен, но я надеялся, что мой похититель расскажет что-нибудь еще.

– Почему же липовой? – спокойно отозвался тот. – Пленники действительно есть. Вернее, пленник. И мы летим передать выкуп за него. Просто так уж случилось, что золото похитителю не требуется. Ему нужны вы.

– Хочет разобрать меня на органы? – И откуда у меня эта привычка выпаливать в стрессе неуместные шутки?

– Думаете? – Кажется, мысль показалась Максиму интересной. – Вряд ли все будет так грубо. Впрочем, последнее время его поведение не слишком предсказуемо. Хотя лично я думаю, что он предложит вам работу.

– И что же такого уникального я могу для него сделать, чтобы это стоило отправки за мной команды профи на частном джете?

Я укрепился во мнении, что мне вешают очередную порцию лапши на уши. Макс просто хочет успокоить пленника и обнадежить его радужными перспективами. Еще недавно это было крупное вознаграждение в золоте, сейчас мне расскажут об умопомрачительных карьерных возможностях. Связать меня было бы проще, но вдруг они боятся попортить товар? Сбежать из сверхзвукового самолета все равно невозможно.

– Это вам лучше спросить у него самого, – разочаровал меня Макс.

– Хотя бы имя будущего нанимателя я могу узнать? И на кого меня собираются обменять?

– Имена вам ничего не скажут... – Самолет довольно резко пошел на снижение, и собеседник слегка запнулся. – Можете представить себе, что мы летим на встречу с черным королем. И чтобы заполучить вас, он похитил белого короля.

Наши спутники зашевелились, пробуждаясь от дремы, и Макс замолчал. Я думал, что сейчас все начнут доставать и проверять большие пушки, готовясь к возможной битве, но ничего подобного не произошло. Не было и объявления о посадке – я понял, что прибыл к месту назначения, лишь почувствовав легкое касание шасси о землю. Самолет остановился, и дверь все так же бесшумно отъехала в сторону. Не сказав ни слова, Василевский швырнул планшет на диван и быстро сбежал по опустившемуся трапу. Амбал и Ирина последовали за ним.

Я взглянул на дверь кабины пилотов, остававшуюся закрытой весь полет. Никто не спешил выходить из нее и сейчас. Видно, летчикам не следует видеть груз. Покажись кто из них, я мог бы помахать корочкой Следственной канцелярии и потребовать немедленно вернуть меня в Москву. С тщедушным Максимом я надеялся справиться – вряд ли он эксперт по рукопашному бою. Я тоже, зато на моей стороне преимущество в десять сантиметров роста и килограмм тридцать веса. Бесплодные мечты.

– Смелее, – приободрил меня человек и, сняв очки, весело подмигнул.

Я оказался прав – они все носили линзы. У Макса они были фиолетовые. Такой же неправдоподобный, глубокий цвет, как и у Ирины. Как и ей, ему шло. Может, и мне попросить такие в знак утешения? Наверное, черные – под стать настроению.

Вздыхнув, я выбрался по трапу наружу и поежился от внезапно оказавшегося прохладным воздуха. Что-то зябковато для Китая в сентябре. Вокруг царилась ночь. Самолет одиноко стоял на весьма внушительной взлетно-посадочной полосе, явно предназначенной для техники других размеров. Но это не было аэропортом. Я не видел ничего похожего на пассажирский терминал – только скопление приземистых серых бункеров в нескольких сотнях метров от джета. Вдали темнели горы впечатляющих размеров. Из-за примыкающей к

полосе сопки с тихим шелестом вынеслись четыре бронемашин на воздушных подушках и через несколько секунд резко затормозили в десятке метров от неподвижно стоящего со сложенными на груди руками Василевского.

Из машин высыпали самые настоящие солдаты в боевых экзоскостюмах. На предплечье у каждого гордо красовался звездно-полосатый флаг, украшенный кленовыми листьями. Твою ж мать. Похоже, теперь я не просто пленник, а перебежчик и изменник Родины.

Несмотря на воинственный вид встречающих, держались они подчеркнуто вежливо. Пусть обмениваться приветствиями и именами никто не стал, но здоровенный тип со множеством нашивок на рукаве, чей возраст я не мог определить из-за маски, весьма любезно предложил нам занять места в машинах. По двое в каждой. Ко мне ожидаемо пристроился Макс, Ирина и Амбал заняли другой транспорт, а Василевский, разумеется, предпочел общество командира.

Дорога до бункеров заняла лишь пару минут, а поскольку окон в бронетранспортерах не было, я продолжал теряться в догадках относительно того, куда же меня завезли. Исходя из времени полета, это мог оказаться Китай либо Средняя Азия. Но там не должно быть американских военных и тем более их постоянных баз. Конечно, обрядить в янко-канадскую форму можно любого. Даже рослых китайцев, говорящих по-английски без акцента. Непонятно только зачем. Климат также говорил за то, что мы пересекли океан. Тихоокеанское побережье Североамериканских штатов. Точно не Калифорния – скорее территория бывшей Канады, поглощенной своим могучим соседом пару десятков лет назад. Или некогда русская Аляска.

Табличка на входе в бункер не прояснила ничего, кроме плохого вкуса вояк, ответственных за название базы. «Форт Клинтон», подумать только. Какой-нибудь гуру национальной безопасности вроде Стоцкого наверняка сразу выдал бы мне географические координаты, но я вообще не ориентировался в тысячах баз, разбросанных империей по всему миру, и название мне ничем не помогло.

Внутри нас пропустили так же, как и встретили, – без каких-либо формальностей. Я с удовольствием прочитал табличку на окне внутреннего КПП, предписывающую посетителям предъявить документы и сдать образец ДНК. Очевидно, на дорогих гостей все это не распространялось, и караульные лишь стыдливо отводили глаза, когда мы бодро протопали в лифт в сопровождении встретившего нас офицера. Наверное, они и камеры отключили по такому случаю.

Бункер оказался лишь верхушкой айсберга. Лифт доставил нашу пятерку на минус тридцать третий этаж, где выгрузил в длинный белый коридор, заканчивающийся единственной дверью. Офицер с нами не пошел и, махнув рукой в ее сторону, умчался на лифте куда-то вниз. Табличка у входа извещала, что мы готовимся посетить Филиппа Кастора, четырехзвездного генерала. Да уж, отечественная пропаганда, похоже, не врала. О наших генералах можно было сказать всякое, но я не слышал, чтобы кто-то из них брал заложников и требовал выкуп. Тем более живым товаром. Негоже военным разбойничать. Участвовать в корпоративных войнах – дело другое.

Стучать или звонить Василевский не стал. Просто потянул за ручку старомодной деревянной двери, выглядевшей несколько неуместно в защищенном военном объекте, и она охотно распахнулась.

На секунду мне показалось, что я принимаю участие в странном конкурсе двойников. Правда, только в качестве зрителя – мне пары не нашлось. За массивным столом генеральского кабинета восседал огромный голубоглазый блондин, длиной волос не уступающий Василевскому. Причем в отличие от моего спутника он их не прятал, а гордо носил распущенными. При других обстоятельствах я бы поставил деньги на то, что они близкие родственники. Скажем, отец и сын. Хотя на глазок разница в возрасте не превышала десяти – пятнадцати лет. Субъект напялил на себя полевой комбинезон с генеральскими нашивками, но на генерала походил не больше, чем Василевский – на майора ФСП.

Прямо на столе по правую руку от генерала восседала рыжая красотка. Высокая, как Ирина, и с такими же умопомрачительными зелеными глазами, которые она не считала нужным прятать. Младше моей похитительницы примерно настолько же, насколько Василевский был младше генерала. На вид девочке было не больше двадцати, брючному костюму она предпочла обтягивающее красное платье. Тем не менее выглядела она ничуть не менее высокомерно и угрожающе, чем сопровождающая нас «переводчица». Я бы счел довольно вызывающей и ее позу на столе у босса, но в кабинете напрочь отсутствовали кресла помимо генеральского.

Собственно, кресло да стол вообще являлись единственными предметами обстановки в выглядящей почти стерильно комнате с белыми стенами, потолком и полом. Возможно, генерал использовал помещение исключительно для сложных встреч. Например, таких, после которых нужно отмывать полы и стены от крови. Не хватало только расстеленного везде на манер гангстерских фильмов полиэтилена.

По бокам от генерала, сложив руки за спиной и расставив ноги на ширину плеч, стояли копии Амбала и Макса, выряженные в комбинезоны, как у их босса. Кто они по званию, я не понял – чтению нашивок североамериканской армии меня не обучали. Насчет копий я, пожалуй, погорячился. Если Василевского можно было принять за сына генерала, а Ирину – за старшую сестру красовавшейся на столе рыжей, то сходство прочих подручных заканчивалось где-то на уровне этнической принадлежности.

Эрзац-Амбал был высок, но вовсе не выглядел гигантом. Гладко зализанные назад черные волосы и тонкие черты лица скорее позволили бы мне обозвать его Казановой, если бы не глаза. Почему они у всех разные? Может, каждый отслеживает обстановку в каком-то своем спектре? В любом случае, герою-любовнику не стоит носить линзы ярко-розового цвета. С ними он слегка смахивал на какое-то исчадие ада. Впрочем, многим женщинам наверняка понравилось бы. Интересно, у Амбала такие же? Хорошо, что он не снимал очки в полете. Увидев такое, бедный Вербовщик вряд ли решился бы сесть в самолет. Пришлось бы им кончать его прямо на взлетно-посадочной полосе.

Дубль-Макс был значительно выше моего нового приятеля, но весил, похоже, столько же. Худой как жердь, сутулый, с бритой наголо (а может, просто лысой) головой, он не был похож на балагура. Фиолетовые глаза Макса смотрели с сочувствием и иронией, этот же тип смахивал на пыточных дел мастера, обожающего свою работу, и цвет глаз лишь усиливал это впечатление.

– Да будет долог твой век и велики дела, – процедил Василевский.

Вычурное приветствие не показалось мне искренним. Неудивительно, с учетом обстоятельств.

– Долгих лет и великих дел и тебе, – гораздо более миролюбиво отозвался генерал. Вообще, он был единственным в комнате, кто выглядел полностью расслабленным и даже

веселым.

То, что обе команды знакомы, меня не удивило. Внешнее сходство должно было что-то значить. Станным показалось то, что общались они на языке, не являющемся ни английским, ни русским. А объяснения тому, что я его прекрасно понимал, у меня просто не было.

Не успели вожди обменяться приветствиями, как чужая рыжая по-кошачьи мягко спрыгнула со стола и оказалась лицом к лицу с Ириной. Надеть аккуратно стоявшие возле стола красивые туфли на высоком каблуке она не потрудилась. Напрасно – так она проигрывала сантиметров пять в росте. Моя попутчица не спеша сняла очки, и теперь девушки пялились друг дружке в глаза на манер боксеров перед схваткой. Вот только женской драки нам здесь не хватало.

– Вижу, ты завел себе новую игрушку. – Голос Ирины звучал мягко и чуть насмешливо.

– Ну ты же меня покинула, – благодушно откликнулся генерал. – Пришлось выбирать из оставшихся. Марре, конечно, пока далеко до тебя. Но ты ведь знаешь, она очень талантлива и быстро учится.

– Предательница, – прошипела его протеже. – Мы с тобой еще...

– Довольно. – Как и любой высокий чин, генерал умел быстро переключаться, и теперь его голос звучал резко и требовательно. – Это переговоры. Место.

Да, кажется, именно так он и сказал. Я не знал, что за странный переводчик в моей голове позволяет мне понимать шипящее наречие, которым владели все остальные присутствующие. Очевидно, наиболее мудрым было помалкивать, что я и делал.

– Это второй. – Василевский вообще никак не отреагировал на стычку девушек, продолжая сверлить взглядом генерала.

– Вижу. – Генерал Кастор снова расслабился, когда его подручная заняла свое место на краешке стола. – Но вы обещали, что будет трое. Хотя вообще-то должно быть четверо.

– Мы не знаем, где четвертый. Зачем снова об этом? – пробурчал Василевский. – Ты дашь мне поговорить с ним?

– Хорошо. – Генерал задумался лишь на секунду и кивнул Казанове.

Тот сделал приглашающий жест и вышел из комнаты вслед за моим похитителем.

– Что вы ему сказали? – Теперь Кастор обращался к Максиму, очевидно оставшемуся за старшего.

– Что он участник переговоров по освобождению русских пленных. – Мне показалось, что, против обыкновения, Макс тщательно подбирает слова. – Теперь он знает, что сам объект обмена. Больше ничего.

– Вы его не принуждали? Не связывали? Сила не применялась?

Вот те раз. Похоже, коротышка не соврал, когда говорил о недопустимости плохого обращения.

– Со мной обращались хорошо. – Понятия не имею, зачем я это ляпнул. Я мог лишь понимать их, поэтому фразу произнес на английском. Что ж, кажется, я ударил в гонг у ворот ада.

Хозяин кабинета излучал колоссальную силу и непоколебимую уверенность в себе. Его подручные, как и люди Василевского, производили впечатление отчаянных и крутых профи. Но четыре слова из моих уст повергли присутствующих в настоящую панику. Если бы я не смотрел на генерала, произнося их, то, возможно, и не заметил бы тени испуга, промелькнувшей на его лице. Впрочем, вожак овладел собой практически мгновенно. А вот команда его подкачала.

Рука эрзац-Макса вынырнула из-за спины, сжимая в ней какое-то диковинное

стреляющее устройство. Ни в кого палить он, правда, не стал и теперь растерянно пытался поймать взгляд шефа, чтобы понять, что делать дальше. Молодая тигрица ни в чьих инструкциях не нуждалась. Очередной прыжок со стола теперь сопровождался порцией каких-то шипящих проклятий, а воздух вокруг нее начал странно меняться, трансформируясь в подергивающуюся дымку.

– Прекрати, – Ирина оттолкнула меня в сторону и встала между нами, – твой хозяин тебя не похвалит.

– Хватит! – рявкнул генерал, окончательно совладав с собой. – Кто его пробудил?! Да как вы смели...

Вопросы адресовались Максиму, который теперь стоял у меня за спиной. Я обернулся, чтобы видеть выражение его лица, когда он будет отвечать. Меня действительно подняли довольно рано, но вряд ли неудовольствие Кастора относилось к этому обстоятельству. Попутчик снял очки и теперь виновато смотрел на бушующего генерала парой огромных фиолетовых глаз. Амбал тоже поспешно сдернул с лица очки, уже ожидаемо для меня явив на свет ярко-розовые радужные оболочки. Видно, в их конторе принято каяться, глядя боссу в глаза.

То, что это две части одной и той же шайки, совершенно ясно. Оперативные группы-четверки, подобранные из схожих типажей. Разговоры о предательстве. Какая-то разборка в мире североамериканских спецслужб. Военная разведка. А может, и ЦРУ. Мне подумалось, что Стоцкий вовсе не продал меня за взятку. Он знал, с кем имеет дело, и послал к ним «крота». Сейчас меня будут вербовать. Я, понятно, соглашусь. Меня зашлют обратно, и вуаля, знакомьтесь – Александр Евгеньевич Рогожин, шпион, двойной агент. Теперь понятно, зачем я нужен Стоцкому. Непонятно, на кой я сдался американцам.

– Мы здесь ни при чем. – Макс заметно нервничал и теперь частил. – Он не демонстрировал никаких признаков... пробуждения. Ни на земле, ни в полете. И в его биографии нет ничего...

– Чем он занимается?

Вот это да. Кастор, похоже, понятия не имеет, кого к нему привезли. А я-то думал, что оказался здесь благодаря выдающимся жизненным достижениям. Ну или хотя бы большому количеству знакомых в среде российских чиновников.

– Он полицейский, – быстро ответил Макс, переврав мой статус. – Так же, как и все они. Очень любопытно, не правда ли?

– Дай на пятьдесят процентов. – Генерал уже не слушал его, обращаясь теперь к своему фиолетовоглазому.

Тот вскинул устройство и нажал на спуск. Тяжелый удар пришелся мне точно в грудь, отбросив к двери.

Очнулся я довольно быстро. Во всяком случае, когда сознание вернулось, в комнате находились все те же, и стояли они на тех же местах. Правда, теперь они пялились на мою особу, валявшуюся на полу в довольно неловкой позе. Макс смотрел виновато. Немудрено – это ведь он так долго распинался на тему шахматных фигур и их неприкосновенности. Губы Ирины были недовольно поджаты, а Амбал выглядел растерянным. Никто из них не пошевелился, чтобы помочь мне. Понятно. Я сам по себе и сам за себя.

Генерал, похоже, утратил интерес к моей персоне. Пусть взгляд его и был обращен в мою сторону, но мысли, кажется, витали далеко. Дубль-Макс продолжал целиться в меня из своей

шпуковины. Бедняга выглядел нервным и перепуганным, и я решил, что буду стараться избегать резких движений, чтобы не получить добавки. Красивые зеленые глаза Марры затуманились, а лицо приняло странное плотоядное выражение. Она даже пару раз облизнула язычком пухлые губки. Что ж, кого-то насилие пугает, кого-то – возбуждает.

Дверь резко распахнулась, больно саданув меня по голове. Я и без того неслабо приложился об пол при падении, и тысячи маленьких шахтеров внутри черепа азартно взялись за отбойные молотки. Вряд ли мои страдания сильно беспокоили ворвавшегося в кабинет Василевского. Тем не менее, увидев на полу мое тело и непонятный шокер в руках подручного генерала, он счел необходимым выразить свое неудовольствие:

– Был уговор – не портить. Ты снова нарушаешь правила.

– Товар передан и принят, – возразил Кастор. – Теперь делаю что хочу.

– Нет, – ощерился Василевский. – Обмен не завершен. Пока ты не выполнишь свою часть, это наша собственность. На твоём временном хранении. И помни, что у нашего терпения есть пределы. Если обмен сорвется...

– Да не будет никакого обмена, и ты это знаешь, – равнодушно отозвался генерал. – Мы все понимаем, что я буду дышать только до тех пор, пока он у меня. Вы привозите мне этих лишь для того, чтобы он продолжал жить. И пока я не завершу свою миссию, он будет моим гостем. Когда я закончу, все поймут, кто был прав. Тогда я отвечу за все, что сделал. Не раньше.

– Что ты сделаешь с ними? – Василевский не выглядел удивленным.

Похоже, меня и неизвестных мне заложников уже признали сопутствующим ущербом. Стоцкий будет разочарован, когда мой труп всплывет где-нибудь в Беринговом проливе. Хотя о чем это я? Останусь пропавшим без вести. У предусмотрительного генерала под рукой наверняка имеется личный крематорий.

– Понятия не имею. – Кастор заметно повеселел. – В этом и есть вся прелесть игры без правил, не так ли?

Я с трудом поднялся на ноги. Голова раскалывалась, ребра болели, заставляя заподозрить перелом. Вообще-то я никогда не отличался адекватностью реакции в стрессовых ситуациях. Но обычно либо замирал, парализованный ужасом, либо старался незаметно ретироваться из зоны конфликта. Не знаю, что на меня нашло сейчас.

– Я тебя прикончу, – сообщил я генералу. – Вырву тебе глотку. Казанове твоему недоделанному хребет сломаю. Лысому руки поотрываю. А рыжую выпотрошу, как курицу.

О да, в первый раз я понял все верно. Они боялись меня, боялись до чертиков. Снова мелькнувшая на лице Кастора тень, озабоченная физиономия розовоглазого, побелевший как мел дубль-Макс. Даже отмороженная садистка Марра на мгновение утратила самоуверенность хищницы. Я наслаждался их замешательством не меньше трех секунд, пока генерал не подал едва заметный знак и следующий выстрел лысого не выключил мне свет.

На сей раз без сознания я пробыл куда дольше. Понять это было несложно – я уже не находился в ярко освещенной комнате с белыми стенами. Лампы здесь были тусклыми, а пол – куда более жестким и холодным. Металл. И стены тоже металлические. А я-то думал, что палаты буйных обивают войлоком, или какой там материал пришел ему на смену. Еще у меня появился лечащий врач. Во всяком случае, кто-то нещадно хлестал меня по щекам, озабоченно приговаривая:

– Эй, мистер! Очнитесь, мистер!

Наконец юная леди поняла, что я пришел в себя, и избиение прекратилось. Я же наконец смог сфокусировать взгляд на своей мучительнице. Лет двадцать пять. Высокая, стройная, спортивная. Коротко стриженные темные волосы, голубые глаза. Не такие неестественные, как у рыжих красоток, но заметные даже в полумраке этого помещения. Высокие скулы, острый носик. Черные джинсы в обтяжку, короткий синий топ. Милашка. И она, кажется, искренне переживала за состояние моего здоровья. Или просто не хотела остаться наедине с трупом в комнате площадью менее двадцати квадратных метров.

Похоже, дама такая же заключенная, как и я. Три кровати, но спят только на одной, две аккуратно застелены. В углу душ и унитаз. Пардон, параша – нужно привыкать к тюремной терминологии, хотя здесь вряд ли кто-то говорит по-русски. Кастор и Василевский упоминали, что выкуп составляют три человека. Кажется, двое уже на месте.

– Можно было просто плеснуть в лицо водой, – недовольно пробурчал я, мобилизовав свои знания английского.

Рука у девицы была тяжелой, я чувствовал вкус крови во рту. Или у меня внутреннее кровотечение от забав с шокером.

– Я пыталась. – Она отлично говорила по-английски, но язык не был для нее родным, насколько я мог судить. – Вы не приходили в себя. Я испугалась. Они били вас ногами по голове, когда бросили на пол.

Ах вот оно что – я получил добавку, пока пребывал в отключке. Только сейчас я заметил, что рубашка действительно влажная у воротника.

– Я в порядке, – бодро соврал я, не в силах отказать себе в удовольствии повыпендриваться перед красоткой. – В меня пару раз пальнули из шокера, всего-то. А кто бил меня ногами?

– Эти... один с розовыми глазами и второй с фиолетовыми.

Да уж, мне явно удалось задеть подручных генерала за живое своими угрозами.

– Я Алекс, идиот, – представился я. – Из России. Прилетел сюда добровольно, по глупости. А вы как здесь оказались?

– Так же. – Решив, что со мной все в порядке, девушка забралась на кровать и уселась на ней по-турецки. – Я Франческа. Италия, Рим. Начальство сообщило, что я с новой командой должна перехватить груз наркотиков, прибывающий на Сицилию. Мы сели в самолет, а приземлились здесь. Это точно не Сицилия.

Она едва заметно улыбнулась, демонстрируя присутствие духа. Я вспомнил, что похитители говорили о нас. Мы все полицейские. И всех нас отправили на секретные задания с новыми коллегами. Василевский не мучил себя изобретением способов похищения – годился один и тот же, с небольшими вариациями. Но придумано, надо отдать

ему должное, неплохо. Трое полицейских из разных стран исчезнут героями в не связанных между собой миссиях. Может, меня даже наградят за попытку спасения несуществующих спецназовцев. Посмертно.

Интересно, а когда ждать третьего? Я чувствовал, что генерал будет решать нашу судьбу лишь после того, как соберет полный комплект.

– Ты давно здесь? – Вряд ли из ее ответа можно было бы сделать определенные выводы о том, сколько ждать следующего гостя, но я надеялся, что какое-то время у нас есть.

– Двенадцать дней. – Она ненадолго задумалась. – А какое сегодня число? Часов здесь нет. Считала по циклам сна.

– Двадцать восьмое сентября. – Я определенно огорчил ее своим ответом.

– Десять дней, – наконец пробормотала она. – Время тянется так медленно...

– Телевидения нет? В какое время прогулка? Охрана как часто меняется? – Я всерьез настроился поиграть в графа Монте-Кристо. Ну, хотя бы в глазах юной сокамерницы. Наверное, зря.

– Ты чем занимался у себя в России? – насмешливо поинтересовалась Франческа. – Служил в разведке, в спецназе? Изучал методы побега из военных тюрем?

– Я следователь. Следственный судья, – важно пояснил я, вспомнив сериалы об итальянской мафии. – Расследую убийства.

– Понятно, – грустно подытожила собеседница. – Бумагомарака. Толку от тебя ноль. Я три года служила в спецназе. В основном Северная Африка. Пятнадцать миссий, два ранения. Потом три года в полиции. Спецотдел по борьбе с наркотиками. И знаешь что? Отсюда не сбежать. Эта комната – сейф. Сплошной металл, бесшовная технология. Кровати приварены. Нет ни кусочка обстановки, который можно отодрать и использовать против охраны. Наблюдение двадцать четыре часа в сутки. Три видимые камеры. Вентиляционное окошко – десять сантиметров в диаметре, глухая решетка. Прогулки? А нет никаких прогулок. Душ принимаю прямо здесь, даже шторм нет. Разрешаю тебе смотреть – охрана уже все видела. В комнату они не заходят. Дверь ведет в тамбур. Отпирается дистанционно, электромагнитный замок. Когда ее открывают, я забираю поднос с едой. Интервалы кормежки разные. С другой стороны тамбура дверь еще серьезней. Еда в бумажных тарелках, приборы и сами подносы тоже из прессованной бумаги. Так как ты собираешься выбраться отсюда, умник?

Я не понимал, зачем мы нужны Кастору. Он приложил серьезные усилия к нашему захвату. Взял в заложники какую-то важную птицу и явно рассорился со своей конторой, какой бы аббревиатурой она себя ни обозначала. Возможно, теперь он такой же пленник, изолированный на захваченной военной базе. Этот кризис не мог длиться вечно. Не президента же США он удерживает... Допустим, это руководитель его службы. Пройдет время, и назначат преемника. Может, того же Василевского. Новый босс решит, что принципы важнее, чем жизнь предшественника, и на базу обрушится спецназ. Или проще – произойдет несчастный случай с ядерной боеголовкой, который похоронит эту грязную историю со всеми участниками. Включая несколько бедных иностранцев.

Но время, похоже, не слишком заботило генерала. Нас не допрашивали. У нас не брали анализы. Над нами не ставили опыты. Мы просто сидели в своей клетке, ожидая, что случится дальше. Кормили вполне сносно. Более того, на третий день я набрался наглости и проорал в камеру, что именно желаю получить на ужин. Не знаю, было ли это указанием

генерала или нам попались жалостливые надзиратели, но заказ исполнили почти полностью. Что кто-то здесь умеет готовить пельмени, я и не ожидал.

Теперь составление дневного меню стало нашим основным развлечением. Увы, к просьбам провести телевидение, дать видеоплеер, игровую консоль или хотя бы бумажные книги охрана осталась глуха. Зато повар старался как мог, хотя Франческа ставила перед ним непростые задачи. Я успел попробовать десятков вариаций пасты, о половине из которых раньше и не слышал, несколько видов лазаньи и кучу других блюд, заставивших меня всерьез переживать за сохранность фигуры. В напарнице это все исчезало без какого-либо ущерба для внешности. Правда, она минимум три часа в день тренировалась, оставаясь в одних трусиках. Зрелище садящейся на шпагат обнаженной красотки было явным перебором, и я в эти моменты отворачивался, медитируя на стенку. Тем более я не смотрел, как она принимает душ.

Казалось бы, между мужчиной и женщиной, вынужденными делить небольшую камеру, неизбежно должно возникнуть сексуальное напряжение. Но нет, ничего подобного не наблюдалось. Во всяком случае, на взаимной основе. У меня-то этого самого напряжения было хоть отбавляй. Но ко мне относились как к слегка непутевому и тормознутому старшему брату. Наверное, ей помогала армейская тренировка. Жизнь в казарме, и все такое. Или я вообще не казался ей сколь-либо привлекательным даже по меркам необитаемого острова. Обидно.

Сокамерница была не только чертовски красива, но и дьявольски умна. Помимо родного итальянского она свободно владела английским, французским, испанским и арабским. До армии успела проучиться пару лет в Сорбонне. Франческа происходила из обеспеченной семьи и могла стать кем угодно. Могла и выйти замуж за какого-нибудь мультимиллионера. Как я понял, недостатка в предложениях не было. Но, бросив учебу, она пробилась в армейское подразделение, занимающееся усмирением исламских фундаменталистов в их родных странах. Когда ее комиссовали из-за ранения, поступила в ударный полицейский отряд.

Сначала я отнес ее пеструю биографию на счет юношеского бунтарства. Но от этой версии пришлось отказаться – леди была умна и рассудительна не по годам. Не наблюдалось даже намека на инфантильность. Адреналиновая наркоманка? Возможно, но люди ее круга предпочитают удовлетворять эти потребности спорткарами, горными лыжами или серфингом. Оставался вариант с личной трагедией. Может, ее изнасиловали одноклассники-арабы в университете? Или родственник стал жертвой теракта? Кто-то в семье умер от наркотиков, идущих в Европу через Африку и Ближний Восток?

На мои осторожные вопросы отвечали весело и беззаботно до тех пор, пока не поняли, куда я клоню. Думал, за этим последует взрыв, но меня лишь обсмеяли, заставив почувствовать себя идиотом.

– Ну а ты-то почему стал законником? – осведомилась Франческа. – Мне казалось, один служака может понять другого.

– Случайно, – неохотно признался я, понимая, что теряю немало очков в ее глазах. – Я был корпоративным юристом. Хорошо зарабатывал, неплохо жил. Мама умерла, когда я был маленьким, меня воспитывал отец. Он занимал большую должность в ФСБ. Но потом... в общем, его обвинили в коррупции и посадили. Четырнадцать лет. Осталось еще девять. Я работал на государственную корпорацию, и меня уволили. Один из знакомых отца помог устроиться следователем. Другой работы для меня не было.

– И тебя что, ничего не задевает на службе? Тебе не хочется наказать злодеев, восстановить справедливость? – Девушка, кажется, была искренне удивлена.

И тут я прозрел. Меня посадили вместе с настоящей, натуральной, стопроцентной идеалисткой. Господи, остались же еще такие люди в нашем мире... Я с нежностью посмотрел на подругу. Возможно, я влюбился. Сложно сказать, когда ты уже неделю заперт в маленькой комнатке с привлекательной девушкой. И вообще, меня всегда тянуло на сумасшедших. Сам-то я всю жизнь был слишком осторожен и рассудителен. Противоположности притягиваются. Плохо, что сумасшедшие обычно предпочитают других сумасшедших.

– Меня много чего задевает, – вздохнул я. – Например, баланс на кредитке в конце месяца. Зарплата влияет на него куда меньше, чем мне хотелось бы. И нет, я не прячу в шкафу плащ и синие трусы в обтяжку. Отбываю свою смену, смотрю в глаза десятку-другому убийц и насильников и еду домой в пробках. Там меня ждет телевизор с государственной пропагандой и дурацкими шоу. Я знаю, что ничего не могу изменить в своем мире. Место каждого пойманного подонка занимают двое новых. Через пять-десять лет пойманные тоже выходят, и их становится трое. Слишком большие сроки – экономически нецелесообразно. Смертная казнь – негуманно. Твой мир разве другой? Чего ты надеешься добиться? Ладно если тебе нравится таскать пушку и безнаказанно стрелять в людей. Но борьба за справедливость? Думал, ты умнее.

– Мне жаль тебя, – задумчиво сказала она. – Мне кажется, ты способен на большее. Мы живем в таком мире, потому что все прячут голову в песок. Но кто-то должен подавать пример. Показывать, что еще не все сгнило. Что можно что-то сделать.

Мне очень хотелось сказать ей что-нибудь утешительное. Не потому, что я и правда верил в эти бредни. Если задуматься, в истории человечества почти не было эпизодов, когда хорошие парни объединялись против плохих и из этого получалось что-то путное. Достаточно вспомнить все известные революции. Режим негодяев сменяет террор, а потом приходят другие негодяи. Скучно. Но надо как-то восстановить репутацию в ее глазах...

Мои размышления прервало клацанье замка двери. Мы переглянулись и вскочили на ноги. С момента последней кормежки прошла лишь пара часов, так что это не может быть ужин. Неужели генерал или кто-то из его подручных решил почтить нас своим визитом? Я видел, как напряглась Франческа. Гибкая пантера, готовая к прыжку. И это после всех разговоров о невозможности побега. Я надеялся, что она не станет делать глупостей, пытаюсь прорваться наружу или взять заложников.

Что ж, она зря точила коготки. Дверь распахнулась, и в комнату вошел я.

Я был загорелым, являлся обладателем модной прически и куда более спортивной фигуры. Также я был гладко выбрит, в отличие от оригинального меня, уже неделю вынужденно отращивающего щетину. Еще от меня приятно пахло недешевой туалетной водой. При этом я не казался мажором. Двойник выглядел мужественным, уверенным в себе и даже умудрился сохранить хладнокровие, увидев перед собой нашу парочку.

– Вот дерьмо. – Франческа начала с английского, после чего перешла на родной язык, произнеся длинную тираду, в которой вряд ли нашлось место хоть одному приличному слову.

– Воистину, – согласился субъект, внимательно разглядывая меня. – А ты чего такой хилый? Много пончиков, мало бега?

– Мы тут в основном спагетти балуемся, – с достоинством ответил я. – Даме нравится. А бегать особо негде. Разве что по нужде.

Наверное, подсознательно я ожидал чего-то подобного. Во всяком случае, после «конкурса двойников» шокировать меня чьей-то внешностью было непросто. Я провел немало времени в размышлениях о том, кто станет третьим. Было известно лишь то, что это полицейский. Может, негр. Или китаец. Возможно, генерал хотел собрать ударную группу из суперкопов, чтобы расследовать что-нибудь. Правда, я на суперкопа как-то не тянул, зато Франческа – вполне. Только из сказанного при первой встрече следовало, что Кастор не в курсе, кем трудятся его жертвы. Теперь все стало на свои места.

Ему все равно, кто мы такие и кем работаем. У него нет к нам вопросов, он не хочет выведать никаких тайн. Макс говорил, что нам могут предложить работу. Пожалуй. Работу телами. Мы – чьи-то двойники. Парочка мужских в наличии. Наверное, генерал хотел занять и парочку женских, но нашли лишь одну. Может, ему и хватит. Может, второй нужен про запас.

Оставалось понять нашу роль. Проникнуть куда-то под видом некоего важного лица, на которое мы похожи? Хорошо бы. Не хотелось думать, что наша функция – изобразить труп этого самого лица. Или стать подсадной уткой при покушении на него.

– Это Алекс. – Женский голос прервал мои размышления, заставив вспомнить о том, что нас теперь целая толпа. – Я Франческа. А ты кто? Можем звать тебя «Алекс-два».

– Меня вполне устроит «Джим», – отозвался новичок. – Вы что-нибудь знаете о том, где мы и почему?

– Тебе должно быть виднее, Джим, – вклинился я. – Ты же у нас тут единственный янки. Мы захвачены каким-то американским правительственным агентством. Возможно, военной разведкой. Содержимся на базе «Форт Клинтон» то ли на Аляске, то ли где-то в Канаде. Так как ты попал сюда, Джим?

– Меня отправили с командой УБН из Лос-Анджелеса в Цинциннати. – Похоже, услышанное потрясло собрата по несчастью сильнее, чем зрелище моей небритой физиономии. – В полете сказали, что миссия изменилась и придется лететь в Ванкувер... Но это невозможно: правительство не могло похитить американца. Тем более спецагента ФБР. Зачем мы им?

– Так ты не виделся с генералом? – насторожилась Франческа. – Кто тебя привез?

– С каким генералом? – совсем расстроился Джим. – Меня привезли ребята из УБН. Их мне представило начальство. Главный – спецагент Васки, здоровенный такой блондин.

С ним были еще трое – девушка и двое парней. Сказали, что это секретная точка Управления по борьбе с наркотиками, в самолете надели мешок на голову и сняли только перед дверью.

– Парень пропустил все самое интересное, – сочувственно сказал я. – Например, встречу с настоящим четырехзвездным американским генералом, который теперь держит его в плену. Но это может быть хорошим знаком. Возможно, мы проживем еще сколько-то. На показания иностранцев всем здесь плевать, а вот на слова спецагента ФБР – нет. Видно, генерал и постеснялся светиться. Не хочет «сидеть американский тюрьма». Наверное, надеется выкрутиться из этой истории.

– Им не нужны мы. – Умница Франческа уже пришла к тому же выводу, что и я. – Дело не в личностях и не в навыках. Дело во внешности. Генералу нужны двойники сыграть кого-то.

– И поскольку мы все в сборе, ждать новостей теперь недолго, – резюмировал я.

Ошибаться могут все. Даже умнейшие из людей. Даже полицейские.

Мы поняли это, когда на следующий день они пришли за нами. Было время обеда, но, когда дверь распахнулась, вместо еды мы увидели десяток амбалов в масках, прячущихся за пластиковыми щитами. В комнату полетели светошумовые гранаты, их было много. Не скрыться, не спрятаться. Они принялись за нас, когда мы валялись оглушенные на полу. Дубинки с электрошоком, кулаки в жестких перчатках, тяжелые армейские ботинки. Удары наносились без разбора – голова, лицо, корпус. Сохранение товарного вида в повестке дня не значилось. Перед тем как потерять сознание, я видел, как они повалили Франческу на кровать и сорвали с нее одежду.

Очнулся я оттого, что кто-то окатил меня целым ушатом воды. Вот это правильно. Куда лучше массажа челюсти. Франческа? Открывать глаза я не спешил. Второе избиение было куда более жестким, а я только начал отходить после первого. Сколько себя помню, не переношу боли. И обычно удачно ее избегаю. Не занимаюсь экстремальными видами спорта, не ввязываюсь в драки, редко хожу к зубному. И, несмотря на отвратительные экологию и питание, умудрился сохранить вполне приличное здоровье к своим тридцати трем. Ну, до последнего времени.

Но боли почти не было. Может, меня парализовало? Я осторожно пошевелил пальцами рук, потом ногами. Вроде слушаются. Возможно, вкололи обезболивающее, пока я отсутствовал. Зачем избивать человека, чтобы потом уменьшить его страдания? Я наверняка уже выдал себя своими гимнастическими упражнениями, поэтому приоткрыл правый глаз, признавая, что в сознании. Темнота. Волна ужаса быстро сменилась облегчением. Я не ослеп, просто в помещении нет света. И это уже не камера, где я провел последнюю неделю. Пол бетонный, воздух влажный. Где-то недалеко журчит вода.

Ярко вспыхнувшие под потолком софиты на мгновение ослепили меня. Я зажмурился, а когда открыл глаза, передо мной стояла девочка. Я точно принял слишком много ударов в голову. Откуда здесь взяться ребенку? Странная галлюцинация. Зажмурившись, я медленно досчитал до десяти.

– Дяденька, вам нехорошо? – Детский голос зазвучал у меня в ушах еще до того, как я успел открыть глаза.

Отлично, теперь галлюцинации еще и слуховые. Мало того что на военной базе обнаружилась двенадцатилетняя шкодница, одетая в платье с цветочками, так она еще и говорит по-русски. Хотя это как раз логично. Зачем мне англоговорящие глюки?

Я открыл оба глаза и с раздражением посмотрел на ребенка. Миленькая такая голубоглазая блондинка метр двадцать ростом. Чистый ангелочек. Впрочем, опять же, с чего бы это подсознанию подсовывать мне какое-нибудь толстое и прыщавое существо. В руках галлюцинация держала маленькое ведерко. Определенно то самое, из которого пару минут назад окатила меня водой. Или это мне тоже почудилось? Нет, выше груди все мокрое, хоть отжимай. Я осторожно повернул голову вправо. Точно, в стене кран, из которого тонкой струйкой льется вода. Приятно осознавать, что даже твои видения безупречно логичны.

– Дяденька, вы больны?

Ну вот что она прицепилась? И разве мои галлюцинации не должны изъясняться более затейливым слогом? Что это за «дяденька»? И зачем принимать такой испуганный вид? Это что, проекция моего собственного душевного состояния? Тогда да, похоже. Оказаться похищенным и избитым само по себе неприятно. А тут еще проблемы с головой.

– Я в полном порядке... – неискренне просипел я. Ну и пусть невидимые наблюдатели думают, что я говорю сам с собой. Нечего ботинками по черепу пинать.

Медленно приподнявшись на локтях, я приготовился к тому, что тело взорвется болью. Ничего подобного – вполне терпимо. Точно, чем-то накачали. Может, и галлюцинации отсюда.

– Вы очень долго так лежали, – сообщило мне видение. – Я боялась вас трогать. А потом вода из крана сама потекла. Вы не обижаетесь?

– Я не обижаюсь. – Помещение оказалось больше предыдущего и без таких жестких мер безопасности. Во всяком случае, дверь выглядела достаточно заурядно. Пара камер под потолком и полное отсутствие мебели. Зато одна из стен – огромное зеркало, наверняка прозрачное с другой стороны.

Допросная. Зря я жаловался на недостаток внимания – похоже, со мной все же собирались побеседовать. А сцена в камере – просто придание субъекту нужного настроения. Кому как не следователю знать подобные приемы. Но зачем так жестко, тем более если им интересна наша внешность? И какого черта здесь делает русская девочка, реальность которой уже не вызывала сомнений? Будут ее пытаться при мне, чтобы согласился сотрудничать? Насиловать, как Франческу? Я вспомнил подругу, распластанную на кровати, и с трудом подавил приступ ярости. Я не в том положении, чтобы провоцировать тюремщиков. Если вообще надеюсь отсюда выбраться.

Генерал собирается нас сломить? Мартышкин труд. Хотя идеалистку Франческу – возможно. Или живущего в своем иллюзорном мире аккуратиста Джима. А капитана Рогожина ломать не нужно. Готов признать себя сломленным прямо сейчас. Где подписать?

– Эй, послание дошло! – заорал я в ближайшую камеру. – Обойдемся без игр разума. Что нужно-то? Можно же просто попросить. А немного наличных куда лучше мордобоя.

Стеклянная стена замерцала и стала прозрачной. По ту сторону не оказалось ни генерала, ни его подручных. Только пять маленьких мальчиков, на вид от семи до десяти лет, привязанных скотчем к грубо сколоченным деревянным стульям. Расположили их в рядок, примерно в метре друг от друга.

– Лена! – Пятый справа, мальчуган лет десяти, недавно плакал, но теперь пытался выглядеть мужественно. – Ленка, ты как? Отпустите ее, зачем она вам...

Теперь он обращался ко мне, но я не был тем, кто ему нужен.

– Паша! Паша! – Белокурый ангелок подбежала к стеклу и замолотила по нему маленькими кулачками. Из глаз хлынули слезы.

Я подковылял к ней и пару раз для порядка стукнул витрину ногой. Естественно, ничего не произошло. Стекло противоударное, а может, и пуленепробиваемое. Увидев мои старания, малыши задергались и заголосили, наперебой призывая на помощь. На трех разных языках. Двое точно были американцами. Генерал совсем сбрендил.

Дверь в комнату по ту сторону зеркала отворилась, и вошел лже-Макс. Теперь и он напялил темные очки, хотя военная форма осталась прежней. В руках он держал канистру без каких-либо маркировок. Не похоже, что подручный Кастора думал, что делает что-то плохое. В его исполнении все выглядело очень буднично, будто он занимается этим каждый день.

Странно, что первой среагировала Лена. Наверное, со всем своим цинизмом я просто не мог поверить глазам. Девичий визг слился с мальчишечьим, пока человек в очках деловито поливал детей какой-то жидкостью. Я не мог чувствовать запаха, но сцена не оставляла сомнений в том, что это.

– Да согласен я, согласен! – Теперь я пытался перекричать хор из шести детских голосов и барабанил по стеклу, чтобы привлечь внимание подонка в другой комнате. – Что бы там ни было, я согласен. Сделаю все, что скажете.

Человек за стеклом аккуратно поставил канистру в угол и повернулся ко мне.

– Вот как раз в этом мы и сомневаемся, – равнодушно сказал он. – Но сейчас мы это выясним. Все очень просто. Вы должны убить девочку рядом с вами. Если вы этого не сделаете, я сожгу этих детей заживо, одного за другим. Включая ее брата.

Блефует. Ни один американский генерал не может быть настолько чокнутым, чтобы приказать сжигать заживо американских же детишек. Каких-нибудь афганских или русских – еще куда ни шло. Плач рядом со мной стих. Я взглянул на Лену. Теперь она просто неотрывно смотрела на брата, что-то беззвучно шепча про себя. Лишь губы шевелились. Похоже, шок. Еще бы: услышать такое в ее возрасте. Зря я надеялся, что она не понимает по-английски. Не из России же их привезли? Наверняка местные, из какой-нибудь эмигрантской семьи.

– Отвернись. – Я мягко взял Лену за плечи и развернул спиной к стеклу. Что бы ни случилось, ей это видеть негоже.

– Дядя, вы должны это сделать. – Она смотрела мне прямо в глаза и говорила твердым уверенным голосом. – Их пятеро, а я одна. И там Паша. Мне не будет больно?

– Ничего я делать не буду. – Я говорил громко, чтобы меня слышали и за стеклом, и невидимые наблюдатели за камерами. – Хотите марать руки – марайте. Я свои не стану.

– Девочка права, – все так же равнодушно сообщил псевдо-Макс, видно расхрабренный оттого, что теперь между нами оказалась непробиваемая преграда. – Пятеро за нее одну. Выбор очевиден. Вы не можете снять с себя ответственность. Их смерть будет ужасна. И будет на вашей совести. Девочку можете убить быстро и безболезненно. Сломайте шею. Показать, как правильно?

– Себе сломай, – посоветовал я. – Я передумал. Не буду тебе руки отрывать. Ты у меня месяц умирать будешь.

Что-то я отошел от сценария полной капитуляции. Но и они играли грубовато. Детей зачем-то приплели. Трое из пяти мальчишек визжали не переставая. Хоть бы рот им заклеили... так нет, специально стимулируют звуковые эффекты. Я успел зажать Лене уши, когда человек в очках, не изменившись в лице, чиркнул дешевой зажигалкой и швырнул ее на крайнего мальчика. Крики ужаса за стеклом перекрыл жуткий вопль боли. Не знаю, какой состав они использовали, но это было не быстро.

За пять лет работы я повидал сотни трупов. Видел и жертв пожаров. При мне убивали людей. Не только беднягу Вербовщика и тех, кто остался на шоссе, когда я успел уйти от взрыва. Как-то на моих глазах полицейские забили до смерти педофила, два года терроризировавшего округу. Он изнасиловал и убил тринадцать девочек, пока не обнаглел настолько, что утратил всякую осторожность. Состоятельный бизнесмен с местом жительства в «зеленке». И уже заготовленным досье от прикормленного психоаналитика, с которым наверняка отделался бы принудительным лечением.

Не учел только, что на окраинах свои законы. Я тогда стоял и смотрел, как это существо катается по полу, невнятно визжа: «Адвоката!..» – пока трое оперов сосредоточенно охаживают его металлическими прутами. А когда все было кончено, пошел в изолятор и принял там признание обвиняемого в пяти убийствах, что педофила забил он. Из личных неприязненных отношений. Я сделал это не потому, что считал действия полиции настоящим правосудием. Я сделал это потому, что был молодым следователем, который не мог позволить себе потерять работу. И потому, что об этом договорился начальник розыска с моим начальством.

Я не стал отворачиваться. Просто думал о том, что сделал бы с генералом и его подручными, если бы мог. Оказывается, у меня отличное воображение. Пусть и немного специфическое.

В отличие от меня, садиста-теоретика, местные прекрасно знали, чего добиваются. Я должен был кого-нибудь убить. Каждый раз передо мной пытались обозначить дилемму, логическим разрешением которой стала бы смерть человека, находящегося со мной в одной комнате.

Вот бедняга, которому грозит смерть в чане с кислотой. Но я могу оказать ему услугу, быстренько придушив. Маленький индеец плакал и просил меня не делать этого. Наверное, тоже думал, что они блефуют. Я знал, что это не так. Но играть в их игры не собирался. Все равно никто из тех, кого приводят ко мне, не жилец. Лену я больше не видел, но не сомневался, что она разделила участь брата. Индийца опускали в кислоту медленно, сантиметр за сантиметром. Предварительно поставив ему какую-то капельницу, так что продержался он долго, пока жидкость не дошла до колен.

Потом была симпатичная канадская девушка, которую мне полагалось забить до смерти. Она без устали плакала, повторяя, что всего лишь согласилась на работу временной секретарши в Анкоридже. Когда я отказался, ее изнасиловали и изрезали ножами восемь солдат в масках. То, что они по-прежнему прятали лица, обнадеживало. Убивать меня не собирались. И больше не били, хотя спал я прямо на полу в комнате со стеклянной стеной.

Их методы удивляли. Понятно, что меня хотят повязать кровью. Я под запись убью беззащитного человека и стану их собственностью. Возможно, тогда меня и просветят относительно настоящей цели моего похищения. Но почему они никогда не угрожают смертью или увечьями мне самому? Перспектива искупаться в чане с кислотой делает моральные принципы очень гибкими.

Вообще-то я чувствовал, что могу это сделать. Убить невинного гражданского и даже потом нормально спать по ночам, убедив себя в том, что иного выбора не было. Но у меня был Джим. Если я прав и один из нас – запасной вариант для миссии, мне нужно лишь подождать, пока черту перейдет двойник. После этого меня наверняка оставят в покое. Не забавы же ради они этим занимаются, похищая народ в округе?

Конечно, есть риск, что тогда я стану просто не нужен генералу. И меня с удовольствием искупают в чане с кислотой. Но он очень хотел именно четверых. А меня устроит и роль дублера дублера. Кровать бы вот еще раздобыть...

Все изменилось на восьмой день одиночки. В комнату за стеклом втолкнули человека. Ничем не примечательный белый мужчина, примерно моего возраста, роста и телосложения. С ожидаемо испуганным и растерянным взглядом. Странно: обычно их сначала сажали ко мне и переводили в пыточную только тогда, когда я отказывался выполнять приказ.

Стекло сделали прозрачным с обеих сторон, и мы могли свободно пялиться друг на дружку. Звук нам не включили. Немного успокоившись, приведенный на убой горемыка решил пообщаться. Жестами. Я немного полюбовался на его кривляния, а потом лег на пол, демонстративно повернувшись спиной. Они решили мне друга привести, что ли? Он теперь все время будет там жить, в качестве воплощения моей совести? Чертовы клоуны.

Прожил сосед часов двенадцать. Мне как раз хватило времени, чтобы сладко выспаться. К бетонному полу я уже привык. Когда я проснулся, рядом со мной лежало огромное мачете.

Раньше мне оружие не доверяли. Даже такое примитивное. Все жертвы были

значительно слабее меня либо связаны. Мне предлагалось душисть их, ломать им шеи, забивать до смерти. Я решил не трогать клинок, чтобы не пугать соседа.

Однако, поднявшись, я обнаружил, что он вертит в руках аналогичный предмет. Очевидно, он занимался этим уже какое-то время, в отличие от меня не будучи в силах уснуть. Увидев, что я за ним наблюдаю, он сделал несколько агрессивных выпадов и широко улыбнулся, показав мне большой палец.

Господи, где они нашли этого идиота? Его засунули в бетонный бункер, охраняемый сворой убийц, и всучили полуметровый ножик. Он правда думает, что тюремщики добровольно предоставили ему оружие самообороны?

– Доброе утро, господа. – Голос эрзац-Макса по интеркому, как обычно, не выражал каких-либо эмоций. – Разрешите вас представить. Капитан Александр Рогожин, специальные службы России. Питер Брайт, младший бухгалтер, Анкоридж, Североамериканские штаты. Все очень просто, господа. Один из вас должен убить другого. Если вы оба откажетесь драться, то господина Брайта умертвим мы. Смерть его будет крайне болезненной и неприятной. Начинайте.

Разделяющая комнаты перегородка медленно опустилась. Бухгалтер так и стоял посередине пыточной, судорожно сжимая в руках мачете. Разумеется, он не мог поверить в то, что услышал. Я решил не провоцировать его и дружелюбно улыбнулся, не делая попытки притронуться к оружию.

– Это такая игра, – непринужденно сообщил я. – Правительство проводит психологические испытания. Кто будет делать то, что они просят, – проиграет. Нельзя нарушать закон.

Довольно подло с моей стороны, разумеется. Мне-то бездействие ничем не грозило, и обладатель фиолетовых линз лишний раз дал мне это понять.

– Никаких игр, – недовольно прогудел в микрофон доморощенный ланиста. – Вы слышали меня, Питер. Это русский диверсант. Он хотел взорвать школу в вашем родном Анкоридже. Вы же хотели поступить на работу в Министерство юстиции? Это проверка вашего гражданского мужества. Если вы откажетесь, нам придется вас ликвидировать. Вы теперь слишком много знаете. Или вы с нами, или покойник.

– Да что за бред... – начал было я, но бухгалтер уже лез через приспущенное стекло, яростно сверкая глазами.

– Проклятая русская свинья...

Теперь понятно, где они его откопали. На каком-нибудь русофобском форуме. Решиться перейти черту легко, если думаешь, что перед тобой объект многолетней ненависти.

– Успокойся.

На самом деле я не слишком рассчитывал на слова, тем более с русским акцентом. Пальцы уже легли на рукоять мачете. Вслед за ощущением холодного пластика пришел и страх. Я же не умею драться. Тем более этим. Вдруг ботаник передо мной – местный чемпион по фехтованию? Большие мышцы для этого не нужны. Но даже если он полный неумеха, это значит лишь, что наши шансы равны.

Наверное, он тоже ошалел от страха. Реакция на опасность может быть разной. Кто-то замирает. Кто-то бежит. Кто-то включает берсерка и бросается на противника.

Собственно, схватки не получилось. Гуру фехтования и ножевого боя наверняка попадали бы на пол от смеха, увидев подобное шоу. Не было ни хитрых выпадов, ни уклонов, ни звона скрецающихся клинков. Питер просто подбежал ко мне с высоко поднятым

мачете, рассчитывая раскроить череп первым же ударом, когда я схватил свое и ткнул им в живот противника.

– На вас пришлось потратить очень много времени. – Генерал брезгливо поджал губы, давая понять, насколько он недоволен поведением заключенного. – С вашими друзьями было проще. Особенно с девушкой. Это при том, что вы не отличаетесь ни храбростью, ни принципиальностью, ни сообразительностью. Одно бессмысленное упрямство и нежелание принять на себя ответственность даже тогда, когда это необходимо. Наглядный пример того, как социальные императивы подавляют самые изысканные генетические новации.

– Я тоже много чем недоволен, – не преминул сообщить я. – Начиналось все с того, что нас обещали не портить. Но портили, и очень сильно. Вы не собираетесь нас убивать? Уже закончили зачищать округу от детей, секретарш и бухгалтеров? Тогда, может, расскажете, зачем все это?

Собственно, недоволен я был не только этим. Мне даже не дали отмыться от крови бедняги Брайта. Он еще не испустил дух, когда в комнату ворвался десяток солдат в масках. Ко мне они приблизились лишь после того, как по их приказу я отбросил оба мачете в другой конец комнаты и лег лицом вниз с заложенными за головой руками. На меня надели две пары кандалов – не только ручных, но и ножных – и поволокли на другой этаж.

Теперь я удостоился чести пообщаться с генералом. Прикованный к стулу, в свою очередь приваренному к полу, под прицелом шокера фальш-Макса. Ясное дело, я же опасный убийца, только что доказавший свою кровожадность.

– Прежде всего вам хорошо бы понять, что мое решение привлечь вас в свою... организацию – это просто один из вариантов развития событий. Ваше уничтожение также является вполне приемлемым. Вот Саан считал, что именно так и нужно было поступить.

– И до сих пор так считаю, хозяин... – пробормотал мой мучитель. Наконец-то я знаю его кличку. Макс был мне симпатичен. Жаль, если они родственники. Не «генерал» и не «босс». «Хозяин», подумать только.

– Я не люблю повторяться, – высокомерно отрезал Кастор. – Расскажу всем троим. Завтра. Пока отдыхайте. И отмойтесь. От вас разит.

Мне не стали завязывать глаза, когда тащили в уже знакомый стальной бункер. Два этажа вниз от кабинета генерала. Сейфовая дверь, перед ней – полдюжины бойцов в полной боевой выкладке. Знаки различия американской армии. Интересно, они все действительно солдаты? Вряд ли, скорее какая-то спецгруппа, подчиненная непосредственно хозяину цитадели. На базе, должно быть, сотни военных. Не думаю, что большинство из них одобрили бы сожжение детей или даже убийство бухгалтеров.

Франческа и Джим уже ждали внутри. Дом, милый дом. Мой двойник, как обычно, выглядел решительным и сосредоточенным. Только почему-то все время прятал глаза. Девушка больше ничем не напоминала ту, что так яростно вещала мне о вселенской справедливости несколько дней назад. Еле слышно ответив на мое приветствие, она отвернулась к стенке и никакого интереса к общению не проявляла.

Я не стал спрашивать у них, что они сделали, чтобы оказаться в камере раньше меня. Подвергали ли нас одним и тем же испытаниям? На какой стадии они решили, что с них хватит? Большим моралистом я не был. И уж тем более не был готов кого-либо осуждать за такую малость, как убийство.

Выспался я просто отлично. Настоящий горячий душ, шикарный ужин со стейком, показавшаяся невероятно удобной после бетонного пола койка. Утром я с удовольствием уплел двойную порцию завтрака – Франческа и Джим едва притронулись к омлету, а тосты достались мне безраздельно.

На этот раз обошлось без шоковых гранат. Нас по одному вызывали в тамбур, где парочка амбалов сноровисто заковывала пленников в кандалы. Теперь уже не две, а три пары. Руководил процессом не Саан, а Казанова, оперативный псевдоним которого мне так и не сообщили. Уводили нас также по одному, в ту самую комнату, где я общался с генералом накануне.

За ночь к полу приварили еще два металлических стула. Мне достался крайний правый, девушку приковали посередине. Казанова придирчиво проверил все цепи и замки, после чего кивнул в камеру невидимым наблюдателям. Вопреки моим ожиданиям первым в комнату зашел не генерал, а какой-то невероятно толстый тип. Ростом с меня, он был огромен – настоящая гора жира, упакованная в джинсы и безвкусную клетчатую рубашку. Плюхнувшись на жалобно заскрипевший под его весом стул, незнакомец принялся недружелюбно буравить нашу троицу маленькими злобными глазками.

Минут через пять к нему присоединился Саан. Изменять своим привычкам он не стал, явившись в американской военной форме. И шокер прихватить не забыл, положив его перед собой на стол. Казанова остался стоять за нашими спинами.

Итак, я не ошибся – генерал определенно сбрендил. Годы работы на дядюшку Сэма не прошли даром. Слишком много грязных миссий, крови, тайн. Форменный комбинезон остался в шкафу, и достопочтенный Филипп Кастор на сей раз обрядился в тяжелую с виду рясу грязно-серого цвета, подпоясанную ремнем с огромной пряжкой. На пряжке, насколько я мог судить, была изображена голова дракона. В руках то ли рыцарь, то ли монах держал огромный боевой топор.

Немного странно, конечно, что крыша у него съехала на средневеково-фэнтезийной тематике. Ну он хотя бы не воображал себя трансформером или Бэтменом. Может, ему кажется, что он эльф? То-то белые патлы отрасли. Впрочем, у Василевского такие же. Генерал небрежно бросил тяжелый топор на стол и уселся между Сааном и толстяком.

– Вы не поверите ничему из того, что я сейчас скажу, – скучающим голосом сообщил он. – К сожалению, поскольку я уже решил привлечь вас на свою сторону, придется потратить какое-то время на убеждение. Если мы не договоримся, я отрублю вам головы. Сам. Вот этим.

Руки генерала легли на топор, а пальцы Саана – на рукоять шокера. Наверное, он думал, что мы взбесимся и порвем три ряда титановых цепей. Еще один патологический псих.

– Ну так давайте, убеждайте. – Мои товарищи молчали, а у меня, как обычно некстати, начался словесный понос от страха. – Вы в своем ордене Великий Магистр или есть кто повыше чином? Кому поклоняемся? Христу, Вельзевулу, Губке Бобу?

Мне показалось, что толстяк сейчас прыснет, но он благоразумно сдержался. Не сказал бы, правда, что его взгляд, обращенный на меня, стал дружелюбнее. Саан поднял шокер, намереваясь угостить меня разрядом за неуважение к хозяину, но тот лишь фыркнул.

– Это наше традиционное одеяние. – Генерал говорил на удивление спокойно. – Лет ему

больше, чем вы можете себе представить. И да, одежда ваших священнослужителей содрана с него. Орден? Ну если угодно. Есть я и близкий круг моих помощников. Некоторых из них вы видели. Их не так много, и я хочу, чтобы вы присоединились к ним. И есть довольно большая организация, которой я руковожу. В ней тысячи членов, но все они по большому счету легко заменяемы. Даже те, кого вы каждый день видите по телевизору. То, чему я поклоняюсь, лежит за пределами вашего понимания. Вам это знать необязательно. Я не поклоняюсь Христу, Мохаммеду или Будде. Я тот, кто их придумал. А значит, я ваш бог. И все, что вам нужно, – принять этот факт.

Я с уважением посмотрел на Кастора. Да уж, недооценил чертяку. Сначала я думал, что у него тут небольшая грязная спецоперация, потом – что он свихнувшийся на рыцарстве недомасон. А тут, оказывается, в недрах Пентагона взращен целый культ с претензией на мировое господство. Интересно, Василевский со товарищи знает? Похоже, у них куда больше поводов для беспокойства, нежели похищенное начальство.

– Вы неплохо сохранились для своих трех тысяч лет, – подал голос Джим. – Вечная жизнь в сделку входит? А подписываться обязательно кровью? Прошу учесть – я боюсь иголок.

– Ну прямо цирк на выезде... – негромко пробормотал толстяк.

Его роли в происходящем я не понимал. Может, это личный психиатр генерала? Носит за ним чемоданчик с успокоительным, когда тот совсем уж отрывается от реальности.

– Мне почти пять тысяч лет. – Кастор явно серьезно настроился на разъяснительную работу. – Я один из старейших в своем роду. Пока вы тут находились, мои помощники собрали на вас досье. Вы все полицейские. Все трое – атеисты и скептики. Это хорошо. Типично для вашего рода. Плохо то, что обществу все же удалось превратить волков в овец. Этот разговор должен был состояться много дней назад. Но я слышал, что и как вы обсуждали в камере. Какое-то жалкое хныканье. Пришлось прибегнуть к определенным мерам, чтобы напомнить вам о том, кто вы есть.

Я мучительно думал о том, как бы подыграть безумцу. Вербовка – это прекрасно. Поцелую топор или что там еще нужно сделать, и – свобода. Хотя бы относительная. Главное, добраться до коммуникатора и позвонить Олесе. Мерзавец Стоцкий засунул меня сюда, пусть теперь вытаскивает. Надо задавать вопросы, но так, чтобы направить его болезненные фантазии в практическое русло.

Псих он или нет, но здесь на него работают несколько десятков человек. Василевский, способный одинаково успешно выдавать себя за агентов правительств трех стран, – явно на самой верхушке шпионской «пищевой цепи», а он воспринимает генерала очень серьезно. Так что тот может верить, что живет пять тысяч лет, или общаться с духами предков, или думать, что он – сама Мать-Природа, но это вовсе не означает, что тысячи последователей по всему миру – такой же бред.

– «Определенным мерам»? – А вот Джим не собирался униматься или подыгрывать Кастору. – Да какой вы к черту генерал? Какой американец? Вы что, думаете, вам это сойдет с рук?! Вы закончите жизнь в газовой камере. Я, специальный агент Федерального бюро расследований Джеймс Ти Васкес, арестую вас по обвинению в государственной измене, терроризме, похищении федерального агента, заговоре с целью убийства гражданских лиц. Вы имеете право хранить молчание...

– Ладно, ладно, – поспешно вклинился я. – Пошутили, и хватит. У генерала к нам какое-

то деловое предложение. Давайте же его выслушаем. Не будем забывать, что нам всем пришлось сделать кое-что, чем сложно гордиться. И у генерала есть записи, которые покажутся очень любопытными властям США, даже если нам удастся выбраться из-под его... опеки.

Я лукавил. Пусть, по мнению похитителей, я и прошел испытание, но видеозапись вряд ли могла так уж сильно мне повредить. Даже если они убрали звук, должно быть ясно видно, что я действовал в состоянии самообороны. Я не знал, что сделали сокамерники. Мы об этом не говорили. Может, им не пришлось пройти через то же, что и мне. Но факт состоял в том, что Джима вернули в камеру на три дня раньше меня, и Франческа уже была там, отрешенная и подавленная, о чем мне рассказал сам Джим.

– Вы не можете меня арестовать, – скучающе пояснил хозяин базы. – И никто не может. Нет на Земле такой силы или правительства. Остановить меня могут лишь мои братья. И чтобы этого не случилось, я удерживаю одного из них. Поэтому они крутятся здесь уже два года. Но они улетят. Их план не будет исполнен, потому что будет исполнен мой.

Возможно, он был психопатом. Но теперь я понимал, что крышу генералу снесло не на почве чтения Библии, Корана или «Властелина Колец». Он думал, что инопланетянин, чьи сородичи прилетели к нам на огромном корабле, уже два года кружащем над планетой. Что ж, прибытие гостей свело с ума немало народу. Только почему мне вдруг стало казаться, что это не такой уж и бред?

– И в чем состоит ваш план?

Прекрасный вопрос, Александр. Как и задумано – проявляем интерес, от фантазий переходим к фактам.

– Вы забегаете вперед, – с некоторой досадой отозвался генерал.

Мне подумалось, что в своих реакциях он гораздо естественнее и человечнее Василевского. Ну, если они одного инопланетного рода. Хотя бы Джим перестал встречать в беседу. Франческа смотрела прямо перед собой и не демонстрировала какого-либо интереса к разговору. Я повидал много жертв изнасилований, но ее реакция на произошедшее меня удивляла. В конце концов, она не была нежным цветком или наивной выпускницей церковной школы. Три года в спецназе. Там должны готовить к такому.

– Думаю, выражу всеобщее мнение, если скажу, что последние две недели не были самыми приятными в наших жизнях. – Пусть я и пытался возражать, но мой голос был слаще патоки. – Мы бы очень оценили, если бы нам дали знать о нашей роли в этой истории как можно скорее.

– Я ждал этого момента сотни лет, – огрызнулся Кастор. – Подождете и вы. Мне нечасто приходится рассказывать эту историю самому. Обычно это делает Саан, если уж я решаю кого-то посвятить. Но и это происходит крайне редко. Саан – из рода, чей век ненамного длиннее вашего. Я – тот, кто видел. Я – тот, кто делал. Цените же. Все, что вы когда-либо слышали о возникновении человечества, – ложь. Десятки тысяч лет назад наша раса расселила другие по сотням планет. Каждая цивилизация существовала в мире и благоденствии под нашим правлением. Но пришла большая война, и нам пришлось оставить все колонии, уничтожив следы нашего пребывания. На тысячи лет миры оказались предоставлены сами себе. Почти без исключений они деградировали, погрязнув в конфликтах.

Он помолчал.

– Несколько тысяч лет назад, решив проблемы своего мира, мы отправились проведать бывших подданных. Жалкое зрелище. Разрушенные цивилизации, одичалые орды, заново учащиеся добывать металлы. Тратить ресурсы на управление бесполезными землями мы не могли. Тогда один из нас предложил план, который приняло большинство. В неточном переводе его название звучит как «Возвращение». Мы не стали устанавливать власть над колониями. В каждой мы нашли группы людей, которые сохранили знания о том, каким был мир до краха. Пусть лишь как мифы, доставшиеся от предков. Они должны были объединить планеты под единой властью. Создать новую цивилизацию. Таковую, возиться с которой имело бы смысл для нас. Мы придали им сил. Подсказали, где лучше строить города. Как эффективнее возделывать поля. Как организовать армию и заставить другие народы служить себе. В некоторых мирах мы дали им богов. Сначала многих, чтобы они знали, как должен быть устроен мир. Но в таком сложном мире, как Земля, эти боги не объединяли – они разъединяли народы. И тогда я придумал единобожие. Один бог – и жестокий к отступникам, и милосердный к верным слугам. Основа, чтобы сгладить этнические различия. Больше не важно, какого цвета у тебя кожа или на каком языке ты говоришь. Важно, в какого бога ты веришь.

– Вы еще долго будете нести эту ересь? – не выдержала Франческа.

Надо же, он обозвал ее атеисткой, но истая итальянка не могла спокойно слушать, как католицизм сводят к занятому социальному эксперименту.

– Пока не закончу, – несколько удивленно ответил Кастор. Может, он и породил нашу цивилизацию, но некоторые вещи воспринимал слишком буквально.

– К сожалению, мы не могли слишком часто появляться в каждом мире, чтобы контролировать процесс возрождения, – продолжил он после секундной паузы. – Земля посещалась раз в сто лет, а то и реже. Менялись поколения, и нам каждый раз приходилось напоминать слугам, что мы не миф и что их цель – строительство нового мира, а не набивание кошельков или удовлетворение похоти. Они склонялись, но стоило нам уйти – распри возникали снова. Я ошибся, сделав ставку на религию. Единоверцы резали глотки друг другу так же охотно, как еретикам. Они даже умудрились расколоть единые религии на десятки течений, одно глупее другого. Земля была моей ответственностью. И она отставала в развитии от других планет. Это могло стать моим личным позором, и я добился более частых визитов. Я перестал уделять столько времени религии и сконцентрировался на людской жадности. Испанцы, следом и англичане отправились через моря в поисках добычи. Так возник испаноязычный мир и окрепла Британская империя. Объединение мира шло удачно. Прошло не столь много времени даже по меркам вашей истории, и несколько европейских государств уже контролировали основную часть поверхности. Остальное должно было быть просто – объединение Британии, Испании и Франции монархическими связями. Началась промышленная революция. Никто в Европе и в остальном мире не смог бы сопротивляться их мощи.

Кастор задумался.

– Но в конце восемнадцатого века я был вынужден вернуться домой, и мои слуги упустили контроль за ситуацией. Американская революция. Французская революция. Укрепление Российской империи. Наполеон и его амбиции. Независимость испанских колоний. Повсеместная отмена рабства. Я вернулся в конце девятнадцатого века и увидел, что мир все еще разобщен. Что есть тайная сила, которая противостоит мне. Тогда я взялся за дело сам и с тех пор не покидал планету. Ключ к правлению миром – информация. У меня

есть скрытые спутники-шпионы на орбите. Но даже они не могут подслушать, о чем говорят двое в запертой комнате. Они не могут прочитать письмо, написанное кем-то при свете лампы. Тогда я дал людям телефон и радио. Теперь я знал гораздо больше. Ведь все, что передается по проводам, и любой сигнал на радиоволне могут быть перехвачены. Я стал подгонять научно-технический прогресс, чтобы на Земле появилось то, что давно было на других планетах. Дирижабли. Самолеты. Карбюраторные двигатели. Конвейерное производство. Поняв, что люди охотнее всего вкладываются в технологии войны, я дал им то, что нужно. Первая мировая, вторая. «Холодная война», породившая Американскую империю. Ракетные двигатели. Ядерное оружие. Телевидение. Компьютеры. Мобильная связь. Интернет. Сейчас Земля ушла в развитии гораздо дальше других планет. И как никогда близка к объединению...

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

«Как дела?» (*исп.*).